

ИРА
ДАЛИНСКИ

БРАТ МУЖА

Отдана без прав

18+

Ира Далински

Брат мужа. Отдана без прав

<https://litres.ru/73895599>

SelfPub; 2026

Аннотация

– Ты станешь моей женой. С сегодняшнего дня, – брат мужа наклоняется так близко, что я вижу золотые искры в его темных глазах. – Ты дышишь, когда я разрешу. Ешь то, что я дам. Спишь там, где скажу.

Моя свадьба заканчивается похоронами, а моя белоснежная фата превращается в платок вдовы.

По древним обычаям гор – если жених погибает, его невеста переходит к старшему брату. Но я не хотела быть женой Хана.

Я стала его пленницей, врагом и... проклятием.

Его пальцы ощутимо сжимают мое лицо, и я морщусь от этой боли.

– Ты больше не Ахмедова. Отныне твое имя – Айла Исаева. Моя жена. Моя собственность. Мой позор и моя честь.

Данная история полностью авторский вымысел с использованием архаичной формы брака, свойственной многим народам на стадии патриархально-родового строя.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Брат мужа. Отдана без прав

Глава

Пролог

Я должна была стать женой одного брата, но стала собственностью другого...

Я — девушка из уважаемой, но небогатой кавказской семьи, помолвлена с Асланом Исаевым, наследником влиятельного клана. Наш брак должен был укрепить союз между дружественными семьями, но моя свадьба заканчивается похоронами, а моя белоснежная фата превращается в платок вдовы.

Я толком и не поняла, что произошло. Все случилось в одно мгновение.

Как и полагается невесте, я молча сидела в машине, вспоминая последние слова матери перед тем, как на меня опустилась фата, застилая мир белоснежной дымкой. Свадебный кортеж вез нас в самый дорогой ресторан в регионе. Мой муж Аслан ехал в другой машине со своими друзьями, тогда как рядом со мной сидела моя младшая сестра Карина. Ей шестнадцать.

– Ты похожа на принцессу! – шептала мне на ухо, тыча пальцем в фату. – Но почему такая кислая? Ты же выходишь за самого завидного жениха в республике!

Она что-то щебетала еще, а я, украдкой улыбаясь, прятала смех под фатой. Наш кортеж плавно скользил по серпантину – впереди ехал «Майбах» с Асланом, позади – джипы с охраны и остальные гости.

– Эй, смотри! – вдруг воскликнула Карина, тыча пальцем в окно.

Грузовик.

Огромный «КамАЗ» вывернул из-за поворота на нашей полосе, пылая алыми фарами.

Водитель не собирался тормозить.

– Держитесь! – крикнули нам, отчаянно выворачивая руль.

Удар.

Глухой, животный, как выстрел в упор.

Наш «Мерседес» взлетел, как бумажный. Стекло треснуло паутиной, подушки безопасности хлопнули, осыпая нас белой пудрой. Я ударилась головой об переднее кресло и что-то теплое разлилось по виску, но первое, о чем я подумала:

– Карина!

Как оказалось, я рефлекторно обхватила сестру, заслоняя ее собой.

Но машина Аслана...

Его «Майбах» разорвало надвое, словно консервную бан-

ку. Передняя часть – бесформенная груда искореженного металла, задняя – торчала в кювете.

– Аслан!

Я рванулась к двери, но водитель грубо осадил меня.

– Не смотри!

Но я уже видела.

Кровь.

Багровая, липкая, она сочилась из-под обломков, разливаясь зловещей лужей на асфальте.

Где-то завывала сирена.

Не оставалось сомнений, что выжить после такого невозможно. Капот был смят в гармошку, будто сделан не из стали, а из бумаги. Наша машина отделалась относительно легко.

Водитель «КамАЗа», шатаясь, выбежал из кабины, рухнул на колени и, зарывшись руками в волосы, что-то бормотал в слезах, но все заглушали безумный крики, наполнившие воздух.

А потом я заметила *его*.

Старшего сына Исаевых. Того, кто должен был стать моим деверем. Того, кто по обычаю должен был «развязать» мне язык этим вечером. Брата моего мужа, которого я всегда остерегалась как огня.

Его белоснежная рубашка и дорогой темно-синий костюм были забрызганы кровью. Но лицо... Лицо было холодным, как горный лед.

Исаев Эмирхан. Но в народе его называют... просто Хан.

Я не чувствовала собственных слез, когда начали вытаскивать тела совсем молодых, еще не познавших жизни парней. Хан подошел к накинutoй покрывалом фигуре, опустился на корточки, одним взмахом пальцев одернул покрывало и... всмотрелся всего на пару секунд. Но опустил голову так, словно не выдержал увиденного.

Мужская ладонь прижалась ко лбу, вцепившись в собственные волосы, с такой яростью, будто он винил себя...

Вокруг бегали врачи, мужчины успокаивали рыдающих женщин, загоняли в машины, а я с пеленой на глазах смотрела на одинокую фигуру, склонившуюся над покойным братом.

Хан – высокий и плечистый мужчина, но тогда он выглядел так, будто на его плечи упали сами небеса.

Он медленно повернулся к нашей машине, его черные глаза буравили меня сквозь разбитое стекло.

Могла ли я знать, что свою первую брачную ночь проведу с ним?

Глава 1

Мой отец – Ахмедов Султан, порядочный человек. Всю жизнь проработал гос.служащим и состоит в очень тесных, почти братских, отношениях с семьей Исаевых.

Я до конца не верила, что в восемнадцать меня отдадут замуж за двадцатичетырехлетнего Аслана. Мы с мамой го-

товились к поступлению в вуз, когда к нам пришел в гости Рустам Исаев, мой свекор.

Они с папой долго сидели в гостиной, заперев дверь. А после его ухода я узнала, что меня хотят выдать замуж.

Сопротивлялась ли я? Нет.

Потому что знала, что папа хочет для своих детей лишь добра. Он часто говорил мне и сестре, что очень хочет успеть обустроить нас, пока его время не закончилось. Такие разговоры на кухне всегда вызывали во мне слезы.

Потому что у меня нет брата. Отец женился поздно, и мама родила меня и сестренку Карину. Больше детей рожать у нее не получилось.

Скрепя сердце я согласилась на брак с Асланом, во-первых, потому что мы понравились друг другу. Аслан оказался красивым, воспитанным парнем с благими намерениями. Он всегда встречал меня с улыбкой на свиданиях и дарил мне шикарные букеты, которые я стеснялась заносить домой.

А во-вторых, я сама понимала, что, став невестой в таком роде как Исаевы, я не буду ни в чем нуждаться до конца жизни.

Этот брак был взаимовыгоден. Рустам Исаев сам желал женить поскорее сыновей и не абы на ком. В кавказских семьях часто бывает, что две семьи, которые дружат годами укрепляют родство браком.

Сейчас я нахожусь в доме Исаевых не как невеста, а как вдова.

Я сижу в гостиной, сжимая в руках разорванный край фаты, и ощущая, как реальность покидает меня. Белоснежная ткань, символ чистоты, запятнан прахом и моей кровью. Вокруг разносится скорбный вой женщин, и я боюсь, что рассудок покинет меня.

Сестру отправили домой, а я осталась здесь, среди чужих людей, в атмосфере всеобщей трагедии.

Единственным утешением стало присутствие отца. Он и другие старейшины ведут переговоры в отдельной комнате, исход которых мне неизвестен.

На мне висит клеймо вдовы. Я даже невестой побыть не успела, как хороню мужа.

Тело Аслана завернуто в белый саван и ждет погребения. Пока возились с врачами и сотрудниками силовых ведомств наступила ночь, и старшие отложили погребение к завтрашнему полудню.

Дверь резко распахивается. В проеме, заполняя собой все пространство, стоит Хан.

Теперь уже единственный наследник семьи Исаевых, известный своей суровостью и жесткостью. О нем всегда говорят либо шепотом, либо вообще стараются не упоминать. Настолько разными вырастил их отец.

Хан вошел не как человек, а как лавина, сметающая все на пути.

Он высокий, с мощными широкими плечами. Черты лица резкие, тяжелый подбородок, нос с едва заметной горбин-

кой. Черные брови придают взгляду постоянное выражение холодной ярости, а глаза цвета горного шторма темные, с желтоватыми вкраплениями. Волосы, как и ухоженная борода, черные густые.

В сжатом до белых костяшек кулаке он держит что-то темное, словно сгусток ночи, испепеляющим взглядом обводит всех присутствующих и кратко приказывает:

– Выйдите.

Никто не осмелился возразить. Женщины, окружавшие меня, оплакивавшие кровную потерю, одна за другой поднялись и покинули гостиную, оставив меня на растерзание судьбе.

Я словно приросла к стулу, инстинктивно вжимаюсь в него всем телом. Хан приближается, и его огромная тень накрывает меня целиком, предвещая неминуемую беду.

Тяжелый запах оружия и чего-то неувовимо мужского.

– Вставай, – его голос звучит хрипоточной командой.

Не двигаюсь. Не могу. Колени отказываются слушаться.

Я поднимаю глаза. Хан похож на Аслана, но в его взгляде нет той мягкости, которая так подкупала меня в женихе. Только лед и... что-то еще. Яростное. Животное.

– Ты станешь моей женой, – он бросает эти слова, как приговор.

– Что? – я вскакиваю на ноги, фата словно символ утраченной свободы, соскользнула на пол, образуя жалкий белый комок. Я что сошла сума? Мне послышалось? – Это невоз-

можно! Я...

Хан, словно хищник, резко хватает меня за подбородок, заставив замолчать. Его пальцы впились в кожу, причиняя боль.

– По нашему обычаю, вдова переходит к старшему брату. Ты теперь собственность семьи Исаевых.

В дверях появляется мой отец с серым лицом от горя. Хан отпускает меня.

– Айла, я..., – отец мнется, будто не может подобрать слов.

– Папа? – глаза наполняются слезами. – Что это он говорит? Это правда? Ты согласился?

Отец опускает голову как прокаженный.

– Это закон гор. Я не могу...

Хан перебивает его.

– Твой отец уже подписал бумаги, – затем его лицо расплзается в подобии хищной ухмылки. – Мы, Исаевы, всегда боимся свои инвестиции.

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног. В глазах потемнело. Все вокруг потеряло смысл. Аслан мертв. Я вдова. И теперь... собственность этого чудовища.

Отец ожидает меня у порога. Хан бросает мне под ноги черную шаль, которую сжимал в руке.

– Надень. Ты в трауре, – повернувшись к отцу, добавляет. – Она теперь живет здесь.

Когда дверь за ними закрывается, я бессильно падаю на колени. В горле стоит ком. Я, наверное, просто уснула пока

меня везли в ресторан и мне все снится.

Аслан. Авария. Брат мужа.

Но рыдания так четко слышны отовсюду. Я щипаю себя со всей силы и чувствую боль... Не телесную. Я чувствую, что этот кошмар реален. Вижу перед собой черную шаль, которая лежит как вызов.

Я медленно поднимаю ее и набрасываю на голову. Сжимаю кулаки. Я не стану покорной жертвой. Если Хан думает, что может сломать меня, он сильно ошибается.

Пусть думают, что я смирилась. Время покажет, кто кого ломает.

Глава 2

По древним обычаям гор – если жених погибает, его невеста переходит к старшему брату. Но я не хотела быть женой Хана.

Я стала его пленницей, врагом и... проклятием.

Рассвет окрасил горы в кровавые тона, когда меня как есть в свадебном платье повели в большой зал в доме Исаевых. Воздух густой от запаха горячей кофейной гуши и горькой полыни как будто сама природа оплакивает то, что должно было случиться. Каждый шаг отзывался болью в моих сведенных судорогой ногах, будто земля не хотела отпускать меня.

Отец идет сзади, и я чувствую на спине ледяное прикосновение его оружия – не физическое, но от этого еще более пронзительное.

«Ты знаешь, что случится, если ослушаешься» его шепот звенит в ушах громче утреннего азана.

Двери зала распахнулись с глухим стуком.

Я шагнула вперед и почувствовала, как острая боль пронзает виски – это не свадьба. Это медленная, мучительная казнь, растянутая на целую жизнь.

Зал, предназначенный для торжества, ослепляет траурной чернотой – тяжелые ленты, грубо наброшенные на праздничные гирлянды, словно саваном накрыли веселье. Музыка умерла, уступив место гулкому шепоту старейшин.

– Вдова...

– Проклятие...

– Должна искупить...

Я поднимаю покрасневшие от слез глаза.

Хан стоит напротив большого окна с таким видом, будто присутствует на собственной казни. Черный костюм обрисовывает его широкие плечи, пистолет на поясе сверкает, как пасть хищника. Его пальцы нервно перебирают рукоять оружия и от этого зрелища у меня в горле встает ком.

Но когда он поворачивает голову, я быстро отвожу свой взгляд.

Кроме нас и наших семей, в зале присутствует только мулла.

– Иди, – отец толкает меня в спину.

Шаг. Ноги не слушаются.

Шаг. Воздух как кисель.

Шаг. Сердце – побитая собака в груди.

Но я дошла. Встаю рядом с Ханом, чувствую его агрессив-
но-подавляющую энергию на себе.

Мулла забормотал молитву, но слова рассыпаются, не до-
летая до моего сознания. Взгляд падает на руки Хана – широ-
кие, сильные. Серебряный перстень с фамильным гербом на
мизинце. Этими руками он будет прикасаться ко мне. Сни-
мать белоснежное платье. Требовать то, что жена обязана да-
вать мужу. Беспрекословно.

Хан вдруг резко поворачивает голову.

Я не знаю о чем он думает сейчас. Зачем он согласился
на это безумие? Одно его слово «нет» – и всего этого бы не
случилось. Я бы вернулась в отчий дом и каждый... зажил
бы своей жизнью.

– Повторяй, – шипит он, когда мулла протянул мне слова
клятвы.

Слезы против воли брызгают из глаз, я открываю рот, но
горло сдавило так, что не получается произнести ни звука.

В зале начались перешептывания.

Хан вдруг цепляется за мое запястье и от его прикоснове-
ния кожа горит как от ожога на морозе.

– Ты думаешь, он бы хотел, чтобы ты сдохла там? – его
голос рвется, как проволока. – Теперь ты моя. Живи с этим.

Я задрожала сильнее. Аслан не выбирал смерть. Но я... я выбираю жизнь.

Поэтому киваю в знак согласия.

Сдаюсь.

Когда мулла объявляет нас мужем и женой, мужчины скупо поздравляют друг друга и спешно покидают зал.

Я остаюсь на месте, посреди роскошного зала, где должна была стоять невестой в свадебном платье. Внезапно порыв ветра срывает с меня шаль вдовы, обнажая распущенные локоны. На мгновение мой взгляд встречается с взглядом Хана, застывшего у выхода. Он смотрит на меня тяжело и пристально.

Он задерживается на мне слишком долго. В его темных глазах я прочитала всю гамму чувств – злость, презрение и... что-то еще, неуловимое.

Но на сердце – его мертвый брат.

И мы оба знаем – это не брак.

Это пытка.

Глава 3

В доме повисла гнетущая тишина. Трясущимися руками я поправляю на голове холодный шелк, который словно змея скользит по моим волосам.

Фата вдовы.

Неизвестно сколько мне так ходить. Пока Исаевы не по-

считают, что я достаточно скорбела.

От этой мысли мое истерзанное за ночь сердце замирает. В груди защемило так сильно, что я непроизвольно согнулась пополам.

Из горла вырываются хриплые рыдания.

За что мне такая судьба? Я могла бы отучиться, сама вы-брать себе мужа и жить нормальной жизнью.

Я же не женой, а жертвой стала. Хан, он меня... он же ненавидит меня! Это видно по его убийственным взглядам и тому, как он разговаривает со мной. Понимаю, он потерял брата и скорбит... но почему... почему он женился на мне?

Он не мужем мне стал, а палачом.

Ладони дрожат, когда женщины подвели меня к резным дубовым дверям. Здесь, в конце длинного коридора, находится моя спальная комната. Та самая, где я должна была провести ночь с Асланом. Теперь же там ждет другой.

Дверь скрипнула, впуская меня внутрь.

Замираю на пороге. Комната встречает холодом, даже воздух здесь другой – тяжелый, пропитанный запахом вражды.

Вхожу медленно, ступая словно по тонкому льду, боясь разбудить громким шагом то, что должно было остаться погребенным в прошлом.

Хан стоит спиной, опершись о резной подоконник, его могучие плечи напряжены под черной рубашкой. В руке стакан с чем-то темным. И мне не составляет труда понять, что это не свадебный шербет.

Он не повернулся, когда я вошла. Его массивная фигура кажется высеченной из камня в лунном свете.

– Закрой дверь.

Голос его звучит тихо, но так, что дрожь пробежала по спине.

Я не хочу. Но делаю шаг. Потом еще один. Замок щелкнул, оставляя меня наедине с диким зверем.

Хан медленно выпрямляется. Его шаги гремят по дубовому полу. Он подходит вплотную, заставляя меня трусливо запрокинуть голову, чтобы встретиться глазами.

– Ты знаешь, что значит эта ночь?

Я не отвечаю. Потому что ничего уже не знаю.

По обычаю, сейчас он должен снять с меня свадебное платье и сделать своей женой по-настоящему. Мне придется терпеть чужие прикосновения. Скрепя зубы и закрыв глаза.

Но Хан не торопится.

Он тянется за пояс, вытягивает оружие, и я инстинктивно, с застревшим в горле воздухом, пчусь назад. Не собирается же он меня...

Мужчина усмехается, делает лениво-медленный шаг ко мне, и я чувствую, как пульсирует венка на шее, как замирает мое дыхание, когда Хан обводит кончиком дула мой рот, едва не касаясь кожи.

– Ты думаешь, я тебя трону?

В горле пересохло. Он слышит мое неровное дыхание, видит, как дрожит мое тело.

– Я не...

– Молчи.

Хан швыряет оружие на кровать и его огромная рука, покрытая вдоль костяшек пальцев шрамами, смыкается вокруг моего подбородка.

– С сегодняшнего дня, – он наклоняется так близко, что я вижу золотые искры в его темных глазах. – Ты дышишь, когда я разрешу. Ешь то, что я дам. Спишь там, где скажу.

Его пальцы ощутимо сжимают мое лицо, и я морщусь от этой боли.

– Ты больше не Ахмедова. Отныне твое имя – Айла Исаева. Моя жена. Моя собственность. Мой позор и моя честь. Ты знаешь, что теперь ты мне должна?

Не муж.

Не насильник.

Палач.

Глаза Хана обжигают холоднее, чем лед на горных вершинах.

– Я ничего тебе не должна.

Мой голос дрогнул, но не из-за страха. А из-за ярости и безнадежности.

Он отпускает меня так резко, что моя голова дернулась назад. Хан медленно обходит меня, точно хищник, загнавший жертву.

– Ты должна жизнь.

– За что?

– За то, что он умер, а ты – нет.

Его пальцы едва касаются моих выбившихся из шали волос, но я вздрагиваю, будто от удара.

– Сегодня ты спишь здесь. Одна.

Он делает шаг к двери, но замирает, мужской взгляд падает на мои руки. Точнее на свадебное кольцо на моем безымянном пальце.

– Сними это. Ты больше не его невеста.

Хан разворачивается у самого порога и теперь... смотрит на меня с таким выражением лица, что я правда начинаю считать себя виноватой в том, что выжила.

– Но запомни, Айла. Я – не Аслан. За малейшую ошибку я спрошу с тебя жестко.

Он уходит, хлопнув дверью так, что задрожали стены, но не запирает меня.

Где-то за дверью раздается его голос, отдающий приказ:

– Никто не входит к ней до утра.

Я медленно подхожу к кровати, на котором он нарочно оставил свое оружие.

Настанет время, и я верну его ему.

В самое сердце.

Глава 4

Ночь прошла в тревожном сне. Я почти не спала из-за шума в доме и женских голосов. Учитывая произошедшее,

мне еще повезло, что разрешили отдохнуть. Иначе готовила бы дом к предстоящему трауру и приему соболезнующих.

Но я встаю в сеть утра. Просто, потому что знаю наши порядки и совесть не позволяет дольше прятаться в комнате, когда за стенами такой хаос.

Умываюсь в ванной, которая находится здесь же в коридоре напротив спальни и понимаю, что кроме свадебного платья мне нечего надеть. Хан вчера велел принести мои вещи, но своего приданого я так и не увидела. Наверняка, после аварии все просто забыли об этой мелочи.

Тем временем на часах уже полвосьмого, когда ко мне стучатся.

– Привет, – отзывается Диана после того, как я открываю дверь.

Это младшая сестра Аслана и Хана. Почти моя ровесница, учится в одиннадцатом классе. Высокая, стройная девушка с черными волосами спрятанными под траурном платком и угольными глазами совсем как у... Хана.

– Как ты себя чувствуешь? – вежливо спрашивает она. Диана ведь моя золовка, фактически.

– Даже не знаю, – растерянно отвожу взгляд, а потом вспоминаю про одежду. – Ты не знаешь привезли ли мои чемоданы? Мне нужно во что-нибудь переодеться.

– А, – девушка тут же оживает. – Их оставили в моей комнате, чтобы никто не трогал. Если хочешь, я могу принести что-нибудь...

– Да, пожалуйста. Что-нибудь, что подойдет на сегодня, неброское. У меня вроде должно быть подходящее платье. И найди, пожалуйста, обувь. Там должны быть легкие шлепки для дома.

– Хорошо, я попробую достать.

Диана тут же уходит, и я начинаю нервно расхаживать по комнате. Все перевернулось с ног на голову. Не такой свадьбы я ожидала. Не такого утра.

Вечером, как появится свободное время я сразу же распакую чемоданы.

Диана возвращается с шелковым платьем-халат глубокого синего цвета и шлепками, которые я купила, чтобы выходить во двор.

– Спасибо, – беру вещи и отвернувшись, начинаю переодеваться. Мне нечего стесняться. Сейчас нет времени сновать туда-сюда.

– Я отведу тебя на кухню. Наверняка, ты голодна.

Облачаюсь в прохладный шелк, затягиваю пояс на талии, аккуратно и красиво надеваю на себя черный платок, который мне вчера кинул мой... муж. Гости будут разглядывать меня как дикую зверушку, поэтому я должна выглядеть презентабельно несмотря на похороны.

Мне страшно спускаться во двор. Эти люди чужие для меня. Я их не знаю. Масла подливает еще и сложившаяся ситуация. Женщины с нескрываемым любопытством смотрят на нашу сторону, пока мы с Дианой идем в сторону летней

кухни.

Там во всю суется женщины, скорее всего, близкие родственницы. Под закрытым витражными стеклами навесом, сидит другая женская половина, принимает соболезнования. Мужчины, наверное, принимают в другом доме, здесь их несколько в одном дворе. Так принято. Мужчины с женщинами не смешиваются. Ни во время свадьбы, ни во время траура.

– Диана, зачем ты ее сюда привела? – другой женский голос пробивается сквозь вату в ушах.

Я в панике оборачиваюсь и встречаюсь со своей... свекровью. Фатима.

– Доброе утро, – тихо здороваюсь я, а сама не могу смотреть ей в глаза. Почему-то я правда считаю себя виноватой в той аварии. За то, что выжила и вынуждена терпеть новую реальность.

– Доброе, Айла, – свекровь быстрым взглядом проходится по мне. – Здесь готовят еду, чтобы раздать соседям. Поешьте на кухне в доме, а потом придете сюда.

Киваю женщине, внутренне радуясь ее нейтральному отношению. Она не злится, в ее глазах нет ненависти ко мне, но и света в них тоже нет. Что объяснимо.

Мы с Дианой снова петляем через двор, и я снова чувствую на спине обжигающе взгляды гостей. Какое облегчение, что завтракать можно в тишине и без чужих глаз.

Диана быстро включает чайник, достает из холодильника

все, что считает нужным и мы принимаемся за еду.

Я почти дожевала кусок хлеба с маслом, когда на кухню входит Хан. Его неожиданное присутствие сбивает меня и в попытке быстро встать на ноги, я наступаю на подол платья и едва не падаю.

Хан видит это все. Черные глаза цепко обхватывают мою фигуру и слишком оценивающе проходятся по ней. Как будто он получше разглядывает меня. Мысленно успокаиваю себя тем, что мы правда толком и не видели друг друга.

Я же избегаю прямого контакта, но и стоять как истукан тоже сложно. Диана принимается убирать грязную посуду, попутно спрашивая брата:

– Ты завтракал? Налить чай?

Хан медленно переводит глаза на сестру и коротко ведет головой.

– Я не голоден.

Тогда Диана уходит к раковине и в следующую секунду раздается звук моющей посуды.

Я остаюсь на месте, смотрю на край стола немигающим взглядом и дышать боюсь. В горле застрял ком от страха перед *ним*.

И вдруг Хан делает шаги, сокращая расстояние между нами. Я понимаю, что он подошел ко мне вплотную, когда перед глазами встают его ноги в черных брюках. Мне приходится посмотреть на него. И ужаснуться от огненной ярости в черных глазах.

– Что это ты надела на себя? – с презрением бросает он, рассматривая мою грудь и все, что ниже. Я моментально сжимаюсь в защитном жесте. – Почему не черный?

Хан злится, что я надела синий цвет, но правила не запрещают носить любой цвет во время траура. Естественно, в кричащих цветах не пойдешь, но даже если бы я надела красный, это не запрещено.

– У меня нет черной одежды, – пишу я в ответ, снова опуская взгляд.

– Значит, надо купить, – чуть спокойнее говорит Хан и делает еще один шаг на встречу.

У меня сразу сбивается дыхание от его близости и понимания, что за спиной стоит его сестра, которая моет посуду и прекрасно все слышит.

Но когда мужская рука тянется к моей талии, я вовсе теряю реальность. Мои глаза расширяются, когда он пальцами поддевает шелковый пояс платья и тянет его, развязывая узел.

Хан сжимает шелк между пальцами и наклоняется ко мне так, что у меня мурашки по спине от его маскулинной энергии.

– Ты не будешь подчеркивать талию, – его голос чуть хриплый, низкий. – Никаких поясов, никаких ремней. Это понятно?

Я не могу говорить от шока и страха, поэтому лишь слабо киваю.

– И волосы собери. Не распускай их.

Инстинктивно тянусь к выбившимся из платка прядям. Я расправила платок так, чтобы он полностью скрывал всю длину моих волос, которые я оставила распущенными. Моя ошибка, признаю.

Но как Хан заметил их под черным платком?

Я выдыхаю лишь, когда мужчина покидает кухню. Сажусь на стул и просто дышу. Медленно. Глубоко.

Смотрю на свое дорогое и благородное платье, перебираю пуговицы пальцами и понимаю, что Хан забрал с собой мой пояс.

Глава 5

Не смотря на красивую сентябрьскую погоду день тянется мрачно. После полуденного намаза мужчины унесли тело Аслана на погребение. Под навесом на перебой раздаются рыдания женщин. Моя свекровь старается держаться, но заходится в плаче каждый раз, когда кто-то подходит к ней со слезами, выражая соболезнования.

Мои глаза мокрым месте. Мне очень жаль Аслана. Он был слишком молод. Слишком светел. Мы едва успели познакомиться, но в его улыбке было что-то такое, что давало надежду на мир в этом браке. Теперь же мне предстоит делить дом с его братом – мрачным, непроницаемым Ханом, чей взгляд режет, как нож.

Чего ожидать от его мрачного брата я не знаю. И мне страшно.

На похороны пришла также семья того человека на камазе. По всей видимости, это была жена того водителя, которая на коленях плакала и просила прощения за отнятого сына. Фатима успокаивала женщину и причитала, что на все воля Всевышнего.

В такой ситуации семья Исаевых могла заявить о кровной мести. Убить взамен мужчину из рода виновных, но мой свекор Рустам запретил кому-либо даже думать об этом. Исаевы простили виновного, однако в глазах Хана я прочла другое – там бушевала тихая буря.

Весь день я стояла недалеко от свекрови и теперь *уж* своих родственников. Была наготове исполнить любую просьбу, но меня не трогали.

Уже под вечер мы с Дианой и другими соседскими девушками, которые вызвались помочь, раздаем национальное блюдо по всем домам с улицы. В моих руках поднос с масляными лепешками из творога, а Диана несет кульки со сладостью.

Возле ворот я замечаю Хана в окружении двух мужчин. Он выглядит отстраненным, двумя пальцами задумчиво поглаживает бороду и лишь коротко вставляет речь.

Диана говорит, что нам теперь нужно обойти другую половину улицы и мужчина поднимает взгляд на нас.

Я хочу отвести глаза, но цепляюсь за его скрытый акку-

ратный жест, направленный на меня. Пальцами он обводит в воздухе свое лицо и тыкает в меня. Я замерла, не понимая.

– Платок, – прошептала Диана.

Я теряюсь. Чертов платок! Этот шелковый предатель снова сполз, несмотря на все мои попытки удержать его. Хан требует невозможного, сам дал мне эту скользящую ткань, теперь придирается! Даже его сестра носит платок куда свободнее – у Дианы видна приличная часть волос на макушке.

Длинный шифон все время соскальзывает. Искать невидимки в чемоданах у меня не было возможности. И вообще, почему он такой требовательный? Я не обязана покрывать голову полностью. Достаточно просто завязать платок спереди, в знак скорби. Но Хана, кажется, раздражает даже, если у меня ненароком выпадет хотя бы волосок.

Спокойно, Айла. Мне просто нужно вытерпеть эти три дня. Сейчас все на взводе.

К девяти часам в доме воцаряется долгожданная тишина. Гости и соседи разошлись до завтрашнего дня и мы, наконец, можем отдохнуть.

Мы даже посидели со свекровью, золовкой Дианой и стородой Фатимы в гостиной в легкой беседе, вспоминая детство Аслана, смешные моменты.

Я рада, что Фатима твердо стоит на ногах. Что не позволяет трагедии сломить ее. Не каждый человек может выстоять, когда у него умер ребенок.

Мы ужинаем из того, что осталось. Хана и его друзей жен-

щины накормили в другом доме. Я убираюсь на кухне и пожелав добрых снов домочадцам ухожу в ту же спальню. Со свекром я сегодня не виделась. Он больше всех занят приемом мужчин и организацией похорон.

Зайдя в свое убежище, я чувствую облегчение. Усталость накрыла с головой, нужно лечь пораньше спать. Как только пройдут положенные три дня, обстановка станет легче.

Снимаю платок с головы и аккуратно сложив, кладу на комод. Пропускаю пальцы в волосы, массирую подушечками. Только смотрю на кровать и угрюмо думаю над тем, что снова придется спать в нижнем белье, как в коридоре раздаются чьи-то шаги.

Тяжелые, быстрые.

Раздается небольшой стук и затем я наблюдаю, как дверная ручка опускается. В проеме сначала проталкивается мой чемодан, а затем я вижу Хана.

Господи, а если бы я стояла голая? Его стучаться не учили?

Впрочем, мужчина даже не смотрит на меня, ставит в комнату один чемодан за другим. Последний самый маленький, где у меня хранится косметика и всякая мелочь, Хан окидывает вдумчивым взглядом и просто кладет на комод рядом со мной.

Мне тяжело находиться под его острым, пригвождающим и мрачным взглядом. Он смотрит на меня как-то... по-другому. Как будто *ужес*читает меня своей собственностью, ко-

торая не нуждается ни в объяснениях, ни в человеческом отношении. Аслан никогда не смотрел на меня так дико и властно.

Но, возможно, я просто раздражаю мужчину. Уверена, он также не хотел этого брака, как и я. Просто не смог пойти против решения старших.

– Я не хочу отчитывать тебя как ребенка, Айла, – грозный голос нарушает тишину. То, как мое имя звучит с его губ... – Копаться в твоих вещах и следить за твоим поведением. Ты сама уже должна знать, как себя вести.

Я едва заметно хмурюсь, раздумывая над сказанным. Что он имеет в виду? Где я провинилась?

– Не забывай! Ты в трауре. И будешь чтить память о моем брате с достоинством.

Хан вдруг поворачивает голову на мое свадебное платье, подвешенное на дверцу шкафа.

Тяжелые складки покорно струятся вниз вместе с фатой. Хан замер, его взгляд скользит по белоснежному шелку, вышитому золотыми нитями. Платье, которое я должна была снять для мужа, а не для траура.

Он медленно подходит к шкафу, проводит пальцами по вырезу на груди, и у меня возникает жгучее ощущение, что это меня касаются там. Что это моя кожа горит там, где пальцы Хана проходятся по ткани.

– Сними.

– Завтра...

– Сейчас.

Его рука сжимает ткань. Раздается резкий звук рвущегося шва. Я вздрагиваю. Он не просто снял – он уничтожил мое платье.

Оно упало на пол бесформенной массой.

– Чтоб утром его здесь не было.

Я стиснула зубы. Сама бы сожгла, если б он не командовал.

Хан поворачивается ко мне, и вдруг его взгляд падает на мои волосы. Я машинально дотрагиваюсь до пряди – платка нет, он лежит на комод.

Тень пробежала по его лицу. Голос стал опасным.

– Ты специально?

– Нет, я просто сняла...

Хан перекрывает дистанцию за два шага. Его пальцы впи-
ваются в мои волосы, резко запрокидывая мою голову назад.
Боль пронзила кожу, но я не издаю ни звука.

– Знаешь, что будет, если кто-то увидит тебя непокрытой?

– Но здесь же только ты... – прошептала я, не понимая его гнева. Он мой муж. Так или иначе я могу находиться перед ним без головного убора.

– *Я вижу.*

Его дыхание обжигает губы. Так близко. Слишком близко. Мужское тело прижало меня к комоду, и я чувствую другую опасность – не гнев, а что-то дикое, запретное, плотное, жаркое, как угли под пеплом.

Я резко уперлась ладонями в его грудь, чтобы оттолкнуть, но вместо этого пальцы сами собой предательски вцепились в тонкую ткань его рубашки. Под ней бушует что-то горячее и живое: его сердце бьется так же бешено, как мое.

Хан замер. Его дыхание, еще секунду назад ровное, теперь стало прерывистым.

Внезапно я осознаю, что стою на краю пропасти – один шаг, и падение будет неизбежным.

Его рука медленно поднимается, касаясь моей ладони, все еще прижатой к его груди.

– Ты дрожишь, – шепчет он.

Да. Но не от страха.

От чего-то другого.

От того, как его кожа обжигает мои пальцы даже сквозь ткань.

От того, как его взгляд, еще минуту назад ледяной, теперь пылает, словно угли.

От того, что я *не могу* убрать руку.

Хан наклоняется ближе. Его губы почти коснулись моей щеки, когда он прошептал последнее предупреждение:

– Не играй с моим терпением, Айла.

Он отпускает мои волосы, но не отходит. Его взгляд скользит по моей шее, где пульс бьется, как пойманная птица.

– Мы ведь женаты, – тихо возражаю я, не понимая почему он так суров со мной.

– Это ничего не значит. Наш брак всего лишь фикция.

Ложись спать, – строго бросает он, уже отворачиваясь. – Но, если совершишь ошибку, я накажу тебя.

Когда дверь захлопнулась за ним, я остаюсь стоять посреди комнаты, все еще чувствуя на своей коже жгучую печать его пальцев. Три дня траура кажутся теперь вечностью. Но куда страшнее осознавать, что в его угрозах таится другая опасность.

Глава 6

Просторный двор усадьбы Исаевых тонет в скорби уже третий день.

Женщины в темных платках, перебирающие четки мужчины – молчаливые, сжатые, как пружины перед ударом.

Послеобеденное солнце бросает длинные тени от виноградных лоз. В воздухе пахнет дымом от мангала и свежеспиленным деревом. У нас трагедия, но остальной мир живет как обычно.

Три дня траура, наконец, заканчиваются.

На следующий день во двор заезжает машина. Мне велели открыть автоматические ворота, передав в руки пульт. Грузовик с мясом останавливается у ворот – на раздачу малоимущим и сиротам. Из кабины выходит высокий парень в черной рубашке, рукава закатаны, знакомая широкая улыбка, как у мальчишки, которая кажется невозможной после всего случившегося.

– Айла?!

Я вздрагиваю и замираю.

– Асхаб? – удивленно шепчу я, рассматривая получше повзрослевшего юношу.

Мой бывший одноклассник, тот, кто когда-то угощал меня мороженым после школы и смеялся над моими шутками. Тот, с кем я два года сидела за одной партой, потому что он... сговорился с классной руководительницей и по-своему меня защищал. На него западали все девчонки, но Асхаб всегда им назло называл меня своей будущей невестой и грозился жениться сразу после школы.

Конечно, это было ребячество. Максимум, школьная симпатия.

– Я не знал, что ты... – он запнулся, но в его глазах уже читается все: соболезнавание, недоумение, боль.

Я киваю, не в силах говорить.

Получается, он и есть тот самый кузен по материнской линии Хана. Неудивительно, что я не знала. Будущую невесту обычно знакомят с родней отца, потому что она всегда ближе. По крови и по факту.

И тогда он обнимает меня.

Крепко.

Неожиданно.

Как друга. Как родную душу.

– Прости... – шепчет он мне в волосы, и его ладонь подружески сжимает мое плечо. – Мне жаль, что тебе при-

шлось это все вытерпеть. Я думал... после всего, что произошло тебя просто вернут домой.

– Меня отдали за старшего брата, – сухо отвечаю я, ибо душа все еще болит и если я начну вдумываться в это, то просто не выдержу.

– К-как это? – красивое лицо Асхаба вытягивается в шок.
– Старший брат это... за Эмирхана что ли?

Молча киваю и взглядом даю понять, чтобы мы заканчивали этот разговор.

Асхаб, еще не отойдя от шока, выгружает из грузовика пакеты с расфасованным мясом. Все готово, осталось только раздать. Тянусь в кузов, чтобы взять пакет, но парень быстро возвращается:

– Давай я. Не таскай тяжести, – его пальцы скользят по моим рукам, забирая мясо.

Я лишь устало улыбаюсь:

– Ты всегда был джентльменом.

Асхаб тихо смеется, поправляя запачканную рубашку:

– А ты всегда была самой красивой девушкой в классе.
Даже сейчас...

Он не успевает закончить, и я не успеваю спросить, как сложилась его жизнь, куда он поступил, на кого учится.

Чья-то тень падает между нами, омрачая легкую атмосферу.

Хан стоит в метре от нас. И как ему удастся так незаметно подходить? На лице привычная каменная маска, но глаза...

В них мелькает что-то дикое.

– Асхаб, – одно слово, но отчего-то кажется, в нем звучит предупреждение.

Кузен отступает на шаг, но не теряется:

– Просто помогал Айле. Ты же не против?

Хан медленно поворачивается ко мне. Его взгляд падает на выбившуюся прядь волос. Блин!

– Платок.

Очередной приказ. Он меня душит своим контролем и мне хочется просто сжечь этот платок. И вообще все платки мира, чтобы он не мог указывать мне в чем ходить.

Впервые за три дня брака решаюсь дерзить ему.

Намеренно не поправляю небрежно съехавший платок.

– Я устала.

Тишина. Даже птицы словно перестали петь.

Асхаб нервно кашляет:

– Что ж... Мне пора...

– Заходи на чай. Весь молодняк собрался, – предлагает вдруг Хан. Но все его предложения звучат больше, как приказы.

Асхаб кивает, но перед тем, как уйти, его взгляд снова находит меня.

В доме, который расположен напротив основного большого, правда собралась вся сторона мужа. Девушки и парни разного возраста. Отчасти большинство просто поддерживают Исаевых в трауре, но молодежь тайно от старших скоопе-

рировалась и уже битый час судачит в гостиной, поедая разные вкусности из магазина.

Честно говоря, двоюродные сестры и братья Хана показались мне дружелюбными. Меня тепло приняли в свой круг и познакомили со всеми.

Хан не двигается, пока кузен не скрывается в доме. Потом разворачивается ко мне.

– О чем вы говорили? – голос низкий, как гул подземного толчка.

– О школе. Мы учились вместе.

Мужчина делает шаг ближе и цедит сквозь зубы так, что я инстинктивно вся сжимаюсь.

– Он трогал тебя.

– Асхаб обнял меня, как брат. Или это тоже запрещено?

Пытаюсь заступиться за парня, но Хан уже берет меня за локоть и грубо тащит за собой в дом.

– Поддай чай гостям, – бросает он через плечо, оставив меня одну в холле.

Я успокаиваю себя. Он со всеми так. Всегда грубит. Приказывает. Слова вставить не дает. Привык всех и все подчинять. Это легко понять даже за три дня брака.

Неудивительно, что до меня он не был женат. Какая девушка выдержит такую жизнь? Или такие, как Хан думают, раз сыта и по уши обвешена золотом, то должна молчать и благодарно смотреть в рот своему мужчине?

Ставлю чашки на серебряный поднос и осторожно шагаю

в гостиную.

– Ой, Айла, что ж ты не сказала? – одна из девушек срысывается с дивана и бросается к подносу. – Мы бы помогли.

– Мне не трудно, – вежливо улыбаюсь, и мы с ней вместе раздаем чай желающим.

Я медлю, жду пока Асхабу дадут чай, а сама подхожу к Хану, который сидит в стороне ото всех в кресле. Не знаю... просто не хочется злить его лишний раз. Я наслышана, что в последнее время мужья бесятся, когда их жен обнимают мужчины родственники.

По мне это глупость большая. Ведь это просто родственные теплые объятия. Одна моя подруга вообще удивила меня, рассказав, что какой-то ее замужней родственнице муж запрещает выходить к гостям с босыми ногами. То есть, ее ноги помимо остального тела, должны быть закрыты.

Я не вынесу, если Хан начнет требовать от меня того же. Он уже цепляется за мои волосы. Платье на мне все эти дни неброское, но красивое. Длинное, самое главное, с закрытыми рукавами.

Я возвращаюсь в реальность, когда слышу очередной смех ребят.

– Эй, потише там, некрасиво же, – шикает одна, тайком выглядывая за шторы на улицу.

– М-да, круто иметь свой отдельный дом, – бросает родственник, глядя на Хана и меня на секунду заклинивает.

Это что же получается... Дом, в котором мы сейчас на-

ходимся принадлежит Хану? Он ничего не говорил мне об этом. Тогда почему я продолжаю жить в основном доме с его родителями?

Смотрю на него с немым вопросом в глазах, и муж, как если бы понял специально избегает контакта со мной.

Наш разговор плавно перетек к Асхабу. Парень с присущей ему самоуверенностью рассказывает о своих школьных похождениях. Ребята по очереди задают ему вопросы и когда он отвечает куда же в итоге поступил, у меня болезненно сжимается сердце.

– Челюстно-лицевой хирург, – с привычной улыбкой говорит он, но взгляд мечется в мою сторону.

Медицинский так и остался моей несбыточной мечтой. Потому что долго учиться. Трудно. Мне пришлось выбрать гос.управление, но учеба моя прервалась, не успев начаться.

Мы с Асхабом в школе шутили, что вместе пойдем учиться в мед., а он в свою очередь прибавлял, что станем медиками мужем и женой.

Украдкой наблюдаю за Ханом, который сидит, стиснув руки в кулаки, но выглядит обманчиво расслабленным. Его черные глаза смотрят куда-то в пол, будто он далек от нашего разговора.

Вскоре парень нас покидает. Асхаб прощается со всеми и повернувшись ко мне, громко говорит:

– Пусть Всевышний даст тебе терпения.

Я не сообразила как ему ответить, но кажется, Асхаб и не

ждал.

Глава 7

Моя рутина в новом доме стала уже привычной. После ужина я прибираюсь на кухне и чуть посидев с родителями мужа, поднимаюсь к себе.

Пора принять душ и распаковать все вещи. Теперь я поняла почему Хан меня... не трогает.

Он просто уходит в свой дом.

Но все к лучшему. Я бесконечно рада, что он ничего не требует от меня в интимном плане. И все же мне не спокойно, я же понимаю, что мужчину в этом смысле ничто не удержит. Я его законная жена. Это может случиться в любой момент...

Похороны завершены, и я позволяю себе выбрать расцветку поярче. В конце концов, к нам до сих пор приходят гости, чтобы поздравить со свадьбой. Поэтому выбор пал на нежно-сиреневое платье в мелкий цветочек с белым батистовым воротничком. Откладываю одежду с платком на кресло, а с собой в душ забираю новое белье и шелковую пижаму.

Сомневаюсь, что я уже понадоблюсь в доме, поэтому просто лягу спать.

В душе я всегда трачу много времени. Как-то само получается, пока нанесу кондиционер или маску на волосы, пока обмажусь кремом для тела или сделаю другие гигиенические

процедуры.

Облачаюсь в белоснежную рубашку с полупрозрачным верхом на груди и плечах и пижамные штаны.

Мои вещи все импортные, роскошные. Такого нет ни в одном нашем магазине, потому что покупалось за границей. Но каждый раз надевая что-то на себя, я не чувствую радости. Все это вызывает во мне тошноту.

Стоя уже в комнате, я плавными движениями сушу волосы, раздумывая нужно ли доставать фен. Так неохота разгребать все, что лежит в чемоданах.

И когда я тянусь к одному, чтобы открыть, то слышу знакомые шаги в коридоре.

О, Боже... Я же... Я же в пижаме! Он же прибьет меня на месте, увидев такой... Вчера из-за снятого по дозволенности платка отчитал, а что будет сейчас?

Бросаю в панике полотенце на кровать, судорожно цепляюсь за платье на кресле. Просовываю голову, слышу треск ткани, но сейчас так плевать. Мокрые волосы не позволяют мне продеть платье и когда дверь открывается без стука, моя голова застревает в горловине, не продвинувшись ни на сантиметр.

Представляю, как я сейчас выгляжу.

Нет, это бесполезно. Со вздохом стягиваю платье, снимая с себя. Затравленно смотрю на вошедшего Хана, стоящего у порога и наблюдающего за мной.

– Я принимала душ... Хотела лечь спать, – с губ слетают

тихие оправдания. Сердце болезненно колотится в груди, я сжимаю платье в руках и думаю стоит ли продолжать. — Я не подумала, что ты зайдешь. Поэтому я... ну...

Щеки адски пылают. Он не касается меня, но я физически ощущаю его дикий взгляд на своих плечах, которые не скрывает тонкое кружево. Хан смотрит на меня так, будто раздевает взглядом. Он умеет смотреть *так*.

В воздухе витает тяжелый шлейф чего-то необузданного и порочного.

Инстинктивно тянусь к платку, расправленному на спинке кресла, но мужчина уже делает шаг вперед.

— Не трогай.

В его голосе нет привычной злости. Есть что-то новое — хриплое, неровное.

Замираю в центре комнаты, ощущая, как мокрые волосы оставляют влажные пятна на тонкой пижаме. От этого шелк становится полупрозрачным, обнажая больше, чем скрывая.

— Я просто...

— Помолчи.

Он не кричит. Не хватает меня за руки. Просто стоит и смотрит так, словно видит впервые. Его темные глаза скользят по моей шее, плечам, останавливаясь на каждом изгибе, который он заставляет меня прятать.

Хан вдруг устало проводит рукой по лицу, словно пытается стереть образ перед собой и подходит ко мне... слишком близко.

Не дышу. Смотрю на него туманным взглядом и жду гнева, приказа переодеться, очередного урока покорности. Но Хан лишь приближает лицо к моим мокрым волосам и...

Вдыхает.

Глубоко.

Как человек, который только что понял, что тонет.

– Черт возьми.

Мрачно ругается он, и это почему-то звучит как... признание.

Я вся дрожу, когда он дотрагивается до моей щеки. Но не для удара, как подумала я. А для чего-то невозможного. И его последующие слова вызывают во мне колкое удивление.

– Он смотрел на тебя, как на женщину. А ты...

– А я твоя вдова, да? – обрываю его гнев, прекрасно понимая о ком идет речь.

И вся моя дерзость исчезает, когда мужская рука властно притягивает меня к своей груди.

– Нет. Ты *простомоя*.

Прежде чем я успеваю что-либо осознать, его губы грубо прижимаются к моим с такой силой, что я едва не кусаю мягкие ткани.

– М-мф!

Я попыталась оттолкнуть его, но он одну руку запускает в мои мокрые распущенные волосы, другой хватает за запястье, прижимая к комоду.

Это не нежный поцелуй.

Это разрушение. Разрушение всех запретов, которые он сам же установил.

Его язык вторгся в мой рот, словно хочет стереть все следы других возможных прикосновений. Пальцы в моих волосах сжимаются так, что болит кожа головы.

Чувствую себя странно. Разъяренная, сломленная, без права отказа.

– Ненавижу тебя, – шипит Хан, не разрывая поцелуя. – Ненавижу твой запах. Ненавижу эти волосы.

Но его руки в противовес словам тянут меня ближе. Я зажата между его большим телом и комодом сзади.

Чувствую его возбуждение через тонкую ткань пижамы. Жесткое, немилосердное. И это приводит меня в чувства.

– Хан...

Он внезапно отрывается, тяжело дыша. Его глаза, всегда такие холодные, пылают от порочного желания... овладеть мной.

Я вскрикиваю, когда мужчина подхватывает меня под бедра и усаживает на комод, ловко становясь между моими раздвинутыми коленями.

Теперь выпуклость в его штанах ощущается острее. Господи, что происходит...? Неужели это все? Он возьмет меня сегодня?

Его пальцы жестко впиваются в мой подбородок, заставляя повернуть к нему голову и горячие губы снова атакуют мои.

Между ногами мучительно тянет. По телу ползет щекотка от грубой ласки этого неотесанного мужчины.

Неужели я способна так реагировать на близость с ним? Это ведь нормально? Чувствовать подобное рядом с мужем. Это ведь... дозволено.

Я боюсь Хана. Потому что он физически выше и крупнее меня. Потому что он мой муж и у него есть власть, которой нет у меня.

Но его прикосновения, его губы вызывают во мне бессознательный трепет. И я стыжусь этих чувств.

Губы Хана внезапно замирают над моей кожей.

Тяжелое дыхание. Дрожь в руках, вцепившихся в мои бедра.

И страшная, невыносимая тишина, которую нарушает его хриплый голос.

– Сотри это, – кивает на мои губы. – Сотри мой поцелуй, если осмелишься.

Я медленно будто под гипнозом поднимаю руку, дрожащие пальцы касаются собственных раскрытых губ.

И вдруг...

Он ловит мое запястье в воздухе.

– Не смей, – рычит сквозь зубы и снова приближает свое лицо к моему. Но не целует.

Хан только упирается своим лбом об мой и просто... дышит.

Я застываю на месте, еще чувствуя жесткие ладони на бедрах, бесцеремонно сжимающие их.

– Закройся, – буркнул он хрипло.

Моргаю не понимая.

– Что?

– Накройся, черт возьми! – он резко набрасывает на меня платье с кресла. Я лишь оборачиваюсь им, как одеялом и потупив взгляд смотрю, как черные глаза застывает на мне на мгновение.

Затем Хан просто уходит. Снова оставляя меня одну.

Смотрю ему вслед, медленно провожу языком по губам, чувствуя его вкус – горький кофе и что-то еще... что-то, что принадлежит только ему одному.

Глава 8

Хан

Я не хотел эту женщину.

В день свадьбы даже толком не видел дочь Ахмедовых, лишь размазанный силуэт в белоснежном платье. Не имею привычки смотреть на то, что мне не принадлежит.

Когда старейшины объявили решение – *«Ты возьмешь её в жены»* – я чуть не разнес все стены в гостиной.

Она принадлежала Аслану.

Ее волосы, которые только он должен был видеть.

Ее тело, которое только он должен был обнимать.

Ее губы, которые...

Сжимаю кулаки в ярости. Нет.

Но традиция сильнее личной воли.

Я стоял в тени гостиной, когда ввели Айлу для заключения никяха со мной.

Я не хотел этого.

Не хотел брать жену брата – его запах еще витал на этих стенах, его тень еще шептала в углах нашего общего дома.

И вот она шла ко мне в белом, как невеста, но без улыбки, как пленница. Мое первое впечатление о ней... было неясным.

Айла оказалась слишком хрупкой. Ее руки слишком нежные для моего мира. Белая шея слишком тонкая, будто созданная для того, чтобы носить только тяжесть бриллиантов. Губы слишком мягкие, даже когда сжаты в гневе.

И глаза.

Миндалевидные. Зеленые, как весенняя трава после дождя. Красивые до боли.

Я ждал ее слез, мольбы, ненависти. Ждал и впитывал все в себя. Чтобы не забывать.

Я не могу видеть ее в своем доме. Разум отказывается принимать Айлу, как жену. Эта девчонка... Ей ведь только исполнилось восемнадцать. Я старше нее на тринадцать лет! Она слишком юна для брака со мной.

Знаю наверняка, что при свободном выборе она бы сбежала от меня, как горная серна от охотника. Но репутация, честь семьи – вот истинная цена свободы на этих землях.

Здесь нет «Я», есть лишь «Мы».

Она напоминает мне об Аслане.

Каждый ее взгляд зеленых словно нефрит глаз словно укор. Каждая улыбка словно насмешка. Я ненавижу то, как она заставляет меня себя чувствовать.

Я знаю – Айла не успела стать женой брату в полной мере. Он не коснулся ее и пальцем. Она – невинный цветок, едва распустивший лепестки.

Но даже это знание не облегчение, а бремя.

Айла – запретный плод.

Она выбор моего брата, пусть и вынужденный. Я... не могу видеть в ней свою женщину. Но с ужасом осознаю, как с каждым днем все сильнее боюсь собственного влечения.

Когда я вижу ее длинные и черные как ночь волосы, мне хочется запустить в них пальцы. Однажды я увидел, как поздним вечером она поливает цветы в саду. Закатное солнце играло в ее волосах, которые я все время приказываю ей собрать.

Почему?

Потому что, если увижу их распущенными, не смогу гарантировать, что не коснусь ее.

Когда она наклоняется, мне хочется притянуть ее к себе и вспомнить запах, который окутал меня во время заключения нашего никяха. Когда она стояла сломленная напротив муллы. И рядом со мной.

Айла опасна для меня. А у Исаевых не бывает слабостей.

Поэтому я выбираю быть с ней строже. Жестче. Холоднее.

В первую ночь я не трогал ее. Не взял то, что по всем законам этого мира принадлежит мне. Я лишь стоял за дверью, слушая, как она спит. А потом ушел в кабинет, к бутылке коньяка и пистолету.

Лучше пуля в лоб, чем признать, что...

Она мне нравится. Безумно, до сумасшествия.

И поэтому я буду ломать ее.

Я не хотел ее.

Но теперь...

Теперь я не могу представить ее ни с кем другим.

И это страшнее любой войны.

Глава 9

Айла

Осенний дождь бьет в окна, словно пытаюсь прорваться внутрь, туда, где я стою перед тяжелыми дубовыми дверями кабинета Хана. В его доме.

Три дня я репетировала речь перед зеркалом, подбирая слова, которые могли бы пробить его броню в сегодняшнем разговоре. С похорон прошла неделя и я посчитала, что уже можно...

Мои пальцы дрожат, когда, подняв руку я постучала – три четких удара, как приговор.

– Войди.

Его голос из-за двери холодный, как всегда. Низкий и без-

различный, будто он уже знает, что я пришла.

Я вдыхаю глубже, расправляю плечи и вхожу.

Кабинет погружен в полумрак из-за серой погоды, лишь слабый свет ноутбука выхватывает из темноты черты его лица – резкие, словно высеченные из камня.

Он не поднял глаз, продолжая печатать что-то, будто мое присутствие ничего не значит.

Останавливаюсь на пороге.

– Можно поговорить?

– Говори.

Один только этот холодный тон заставляет мое сердце сжаться в зябкий комок. Но я не отступлю. Напротив, я делаю шаг вперед, сжимая руки перед собой.

– Я хочу продолжить учебу.

Мышка в его руке перестает щелкать.

Тишина.

Только дождь за окном и тяжелое, ровное дыхание Хана.

Он медленно закрывает крышку ноутбука, наконец, подняв на меня взгляд.

– Нет.

Одно слово. Один удар. Как раскат грома.

Чувствую, как что-то горячее подкатывает к горлу.

– Почему?

Он откидывается в кресле, сложив пальцы в замок перед собой. Взгляд цепляется за мой аккуратный платок, который я сегодня завязала так, как он этого требует. За голубую

блузку с длинной юбкой в тон.

– Ты думаешь, что тебе это нужно?

– Да.

Его черные глаза пусты, словно выжженная земля.

Мой ответ вызвал у мужа усмешку. Короткую, беззвучную, но в этом звуке столько презрения, что мои руки сжимаются в кулаки.

– Ты теперь невестка клана Исаевых. Твоя работа – быть здесь. В этом доме.

В груди поднимается колючий гнев. И я не знаю откуда во мне столько смелости открыто дерзить ему.

– Я не хочу просто сидеть и ждать тебя!

Темные глаза вспыхивают. Хан встает так резко, что кресло откатывается назад с глухим стуком.

– А я не спрашиваю, чего ты хочешь.

Мы стоим друг напротив друга, разделенные лишь массивным столом, но расстояние между нами кажется пропастью.

– Ты сделаешь так, как я сказал, Айла.

Я теряю самообладание, но не опускаю взгляд. Дыхание становится прерывистым, а слезы предательские, горячие подступают к глазам.

– Ты... ты боишься, что если я выйду из этого дома, то не вернусь?

Его лицо искажается.

Два шага и он уже передо мной, его рука впивается в мое

запастье с такой силой, что я едва сдерживаю стон.

– Ты вернешься, потому что у тебя нет выбора.

Слезы хлынули потоком, обжигая щеки.

– Ты отказываешь мне не потому, что женщина не должна учиться... – голос дрожит, но я продолжаю бороться. – Ты отказываешь, потому что боишься потерять контроль надо мной.

Мужчина замирает. Его дыхание стало резким, неровным.

– Уйди, Айла, не выводи меня.

Я вырываю руку и поворачиваюсь к двери, но он вдруг хватает меня за плечо, разворачивая к себе. В его темных глазах, впервые за все время, я вижу не ярость.

А что-то другое. Отдаленно напоминающее... тревогу.

Но лишь на мгновение.

Потом он снова становится холодным.

– Никогда больше не проси об этом.

Я выхожу, хлопнув дверью так, что стекло в окнах задрожало.

...

Три дня.

Три дня Хан не появлялся на общих обедах.

Три дня он отдает приказы через других, избегая меня.

Три дня я чувствовала его взгляд на себе тяжелый, горячий, преследующий, но стоило мне обернуться, он исчезал.

Дом уже по привычке полон. Тетки Хана засиживались в гостиной, сплетничая обо всем на свете. Я помогала на кух-

не, выполняла разные поручения, убиралась после дождя во дворе и просто наводила порядок везде.

Но пятничное утро началось с тишины.

Я стояла на кухне, разогревая кофе, когда услышала его шаги. Они звучат тяжелее, чем обычно. Делаю вид будто мне интересно смотреть как конденсат от чашки кофе оставляет мокрые круги на столешнице.

– Прогладь это.

Хан появляется в дверях, сбрасывая на стул темно-синий пятничный костюм для молитвы в мечети. Сквозь острый запах кофе в нос пробивается его масляный парфюм.

Мужчина окидывает взглядом сидящую за столом мать и сестру, и не глядя на меня, говорит:

– Будь готова к моему возвращению. Никуда не выходи.

Когда дверь захлопнулась за ним, из моей груди вырывается раздраженный вздох. Общается со мной, как с прислугой. Как будто я не имею право знать о его планах относительно меня самой.

Первую половину дня я провожу в нервозе, ожидая, что муж вот-вот вернется. Я не знаю куда мы с ним поедem, поэтому на всякий случай надеваю комфортный костюм из розового шелкового пиджака и юбки. Если поедem кому-то в гости, я должна выглядеть опрятно. В любом случае, наряд выбран так, чтобы везде смотреться уместно.

Я сидела на крыльце, смотря как тени длинными полосами ложатся на брусчатку, когда Хан вернулся домой из ме-

чети. Его шаги быстрые, ровные, он идет в мою сторону, поправляя наручные часы.

– Машина у ворот. Садись, – скомандовал он, проходя мимо меня в дом.

Я расправляю складки на костюме и покорно выполняю очередной приказ. Черный «лексус» поблескивает на жарком солнце, двигатель работает, тихо постукивая. Я видела еще несколько машин в гараже, наверняка одна из них принадлежала Аслану.

Забираюсь в салон на переднее сидение, где к облегчению включен кондиционер. Хан не заставил долго ждать, он возвращается с папкой в руках. Садится за руль, а папку бросает на панель.

– Пристегнись, – я не спрашиваю куда мы направляемся, уже привыкла к его молчаливым приказам.

Дорога идет через предгорья, петляя между холмов. В салоне стоит тишина, нарушаемая лишь тихим гулом двигателя. Я смотрю в окно, замечая, как пейзаж постепенно меняется: вместо городских кварталов – поля, голубые горы вдали, редкие деревья.

Хан не говорит ни слова, но пальцы его то и дело сжимают руль чуть сильнее, чем нужно, выдавая внутреннее напряжение.

Я уже хотела спросить, сколько еще ехать, когда зазвонил его телефон.

Это свекор Рустам. Хан берет вызов, ставит на громкую.

– Алло.

Голос в трубке на удивление жесткий, отрывистый, даже сквозь динамики ощущается властная интонация:

– Ты где?

Глава 10

– По пути в детский сад. Раздача помощи.

– Отложи. Нужно проверить отель в Избербаше. Подрядчик пишет, что задерживает материалы. Бригадир врет, что все идет по графику. Поставь там все на место.

Пауза.

Я вижу, как напряжение в его челюсти усилилось, но голос остается ровным:

– Хорошо. Буду через три часа.

Он сбрасывает звонок.

Машина не сбавляет скорость, но мужчина резко сворачивает на следующем развороте, меняя траекторию.

Я украдкой посмотрела на него. Профиль Хана резкий, нос с легкой горбинкой, брови чуть нахмурены. Он не сказал ни слова, но я поняла, что мужчина раздражен.

Значит, мы должны были поехать в какой-то сельский детский сад? Я только не пойму одного – если это была раздача питания, то, где сам груз? Сомневаюсь, что в багажнике.

– Мы не едем к детям? – спрашиваю я осторожно.

– Нет.

Мне становится грустно от мысли, что он вернет меня домой, в котором я уже задыхаюсь. Я застряла в тех стенах как пленница и даже в магазин сходить не предлагают.

Вновь бросаю на мужа взгляд исподтишка.

– А куда?

– В Дагестан.

Я замираю.

Это же... не близко. В соседний регион. И он берет меня с собой?

Часы показывают полшестого, когда мы выехали на горный серпантин.

Дорога сузилась, превратившись в извилистую ленту, вьющуюся между скал. Внизу расстилается Каспийское море – синее, бескрайнее, сверкающее под лучами закатного солнца.

Я никогда не видела его так близко. Моя семья хоть и живет в умеренном достатке, но никогда не считала нужным возить детей на море.

Я прижимаюсь ладонями к стеклу, забыв на секунду, что Хан сидит рядом.

– Красиво...

Вырывается с моих губ с восхищенным придыханием.

Он молчит, но клянусь, что заметила, как машина чуть сбавила скорость, как будто он решил... Как будто Хан решает мне рассмотреть море получше.

Ближе к семи мы подъезжаем к стройплощадке. Маши-

на резко останавливается, поднимая облако рыжей дагестанской пыли. Закрытый полу готовый отель стоит на первой линии берега, окруженный кранами и стройматериалами.

Хан резко глушит двигатель и выходит, не посмотрев на меня.

– Оставайся в машине.

Но я уже открыла дверь.

– Я пойду с тобой.

Он оборачивается, его взгляд снова становится жестким, но в глубине – что-то неуловимое.

– Ты меня не слушаешься?

– Я не собака, чтобы ждать в машине.

Глаза его сузились, но он, к удивлению, не стал спорить. Просто цедит сквозь зубы:

– Не мешай.

Но как только его стройная фигура скрывается за бетонными плитами, мои пальцы находят кнопку двери.

Я иду босиком по мокрому песку, приподняв подол шелковой юбки. Пальцы утопают в мелких ракушках, в лицо бьет морской ветер такой теплый, соленый, настоящий. Вдали маячат огни рыбацких лодок, а волны бьются о мои ступни, будто зазывая зайти в воду.

Я оборачиваюсь только один раз – стройка кажется теперь игрушечной, а Хан – всего лишь маленькой тенью среди кранов.

Впервые за две недели я одна.

Позади слышны крики рабочих, лязг металла, гул строительной техники. Но здесь, на краю воды, только шум прибоя, и никакие приказы.

– Я сказал оставаться в машине.

Тело ощутимо вздрагивает от низкого голоса за спиной, но я не оборачиваюсь. Руки сильнее сжимают подол юбки.

Его голос тише, чем ожидалось.

Не крик.

Не рык.

Просто констатация факта.

– Я никогда не была на море, – отвечаю почти ласково, будто пытаюсь задобрить зверя. Оборачиваюсь к мужу. – Не удержалась...

Хан стоит в двух шагах от воды, и взглянув на него сейчас, у меня замирает дыхание.

Он... красивый. Мужественный.

Высокий. Плечистый. Пятничный костюм идеально сидит на его крупной фигуре. Борода, которую сейчас отращивает любой юноша, аккуратная, ухоженная. Четкие линии вдоль скул, и чувственное обрамление вокруг губ.

Черные глаза горят не гневом. И даже не яростью. В них что-то другое.

– Возвращаемся, – раздается строго.

– Пожалуйста..., – Хан останавливается. Я сглатываю ком, неуверенно смотрю на него, чувствуя, что играю на доверии. Но прошу тихо, потому что должна попытаться. Неизвестно

когда еще я смогу приехать сюда. – Еще немного.

Глава 11

Хан

Когда я вернулся и не увидел ее в машине, сначала подумал – *сбежала*.

Гнев вспыхнул мгновенно, как порох. Пальцы сжались в кулаки, дыхание стало резким, горячим. Я уже представлял, как найду ее, как схвачу за руку, переброшу через плечо и потащу обратно, как заставлю понять, что Айла *никогда* не уйдет от меня.

А потом увидел.

Она стоит босая на кромке прибоя, едва касаясь воды. Затем осторожно оглядывается по сторонам и задирает юбку до колен, медленно ступая в воду. От вида ее голых ног что-то ревностно царапнуло в груди.

Песок скрипит под обувью, но Айла так увлечена своим занятием, что и не услышит. Останавливаюсь в нескольких метрах от волн и впервые с мужским интересом разглядываю, как одежда облегает ее фигуру, подчеркивая хрупкость плеч, изгиб талии.

Взгляд снова цепляется за стройные ноги с контрастной белой кожей. Сам смотрю по сторонам, нет ли зевак, которые посмеют засматриваться на нее.

Я мужчина. Сам в юности гулял здесь, цепляя девушек. Поэтому знаю, как небезопасно ей оставаться одной. Прибью

любого, кто посмеет посягнуть на мое.

Ветер треплет ее волосы, вырывая темные пряди из-под платка, и она не поправляет их.

Упрямица.

Я уже понял, как она ненавидит покрывать голову. И я все чаще ловлю себя на мысли, что мне уже не хочется замуровывать ее в бесформенные тряпки.

Айла просто стоит.

Смотрит на море.

И в этом есть такая тихая, беззвучная свобода, что у меня замедляется дыхание.

Очередная волна обнимает ее щиколотки, и Айла смеется.

Один звук, а мое тело сжимается, как под прессом.

Я никогда не слышал, чтобы она смеялась. Не видел, как морщинки у глаз складываются в лучики, как губки приоткрываются для воздуха.

Она смотрит на меня как лань смотрит на льва, и я чувствую, как что-то внутри трещит по швам.

– Еще немного, – тихо просит жена.

Жена.

Моя жена.

Я отвечаю резко, сквозь зубы:

– Пять минут.

Не потому, что великодушен. А потому что не могу не смотреть, как волны касаются ее ног.

Как соленая вода оставляет следы на ее коже.

Как она дышит – глубоко, без оглядки на меня.

И самое страшное, как мне хочется встать рядом и почувствовать то же самое.

Я встаю в десяти метрах от берега, прикидывая в уме успеют ли рабочие до следующего лета закончить строительство с полной внутренней работой. Мы немного отстаем от графика. Но больше всего в этой ситуации меня бесит то, что мой взгляд не отрывается от нее.

Айла.

Мне нравится, как кончик языка касается зубов, когда я произношу это имя.

Мне нравится ее имя.

Каждый вдох – дым, горечь, ее профиль на фоне моря.

Каждый выдох – ярость, что позволил ей это.

Слабость, сначала подумал я, но в глубине души знал.

Это не слабость.

Это что-то опаснее.

Что-то, что заставляет меня не отводить от нее глаз.

Айла подходит ко мне ровно через пять минут. Она наклоняется к большому камню, на котором оставила свою обувь и молча проходит мимо меня.

В машине пахнет морем – ее морем.

Ее босые ноги оставили мокрые следы на коврике. Веду машину слишком быстро, чтобы не думать, но все равно чувствую.

Запах соли на ее коже.

В салоне стоит тяжелая тишина, нарушаемая лишь ровным гулом двигателя. Айла смотрит в боковое окно, песок с пляжа все еще налип на ее ступни, подол облегает контур мокрых ног.

На ее губах все еще играет та мечтательная улыбка. Давлю на газ, ловко лавируя сквозь узкие улочки.

Пусть боится.

Пусть ненавидит.

Только бы не смотрела так, будто видит во мне человека, а не тюремщика.

Вдруг механический голос навигатора разрезает тишину:
«***Через пятьсот метров поверните направо.***»

Она взглянула на экран.

Не дом.

Ресторан «Шахерезада».

Но я снова ничего не стал объяснять.

Огни здания отражаются в черном лаке машины, а из распахнутых дверей льется живая музыка, легкий голос певицы.

Айла не шевелится.

– Выходи, – бросаю я, уже открывая свою дверь.

– Зачем мы здесь?

– Я голоден.

Произношу очевидное. Но когда она слишком медленно отстегивает ремень, взрываюсь и рука сама тянется к пряжке. Ее тело напрягается мигом. Я быстро отстегиваю ремень, и

мы выходим из машины.

Мягкие диваны, низкие столы, золотистый свет фонарей. Официант хочет провести нас в VIP-зону, но я отказываюсь и выбираю столик у окна, где луна загадочно отражается в Каспийском море.

– Что будешь? – спрашиваю ее, не глядя в меню.

Айла теряется.

– Я не знаю...

Тогда я заказываю за нас обоих, с болью в сердце вспоминая, как мы сидели здесь с Асланом. Как он до тошноты выпивал гранатовый сок, а потом его мутило в машине на заднем сидении.

Я ем почти механически, взглядом скользя по ней в те секунды, когда она опускает глаза.

– Тебе нравится рыба? – вдруг спрашиваю я, как будто это обычный вопрос.

Айла ожидаемо удивляется.

– Да...

– И мне. *Нравится.*

Пауза.

Она смущенно опускает взгляд в свою тарелку и тут же в кармане раздается входящий звонок.

Это снова отец.

Не хочу сейчас ни с кем говорить. Сбрасываю звонок и позволяю себе втянуться в этот вечер, который никогда больше не повторится.

Глава 12

Айла

Когда мы заехали во двор, было уже за полночь. Я даже успела маленько задремать в машине, мысленно беспокоясь о мужчине. Он, наверное, тоже вымотался. Поездка была дальняя.

В доме тихо, лишь приглушенный свет в холле дает мне силы не бояться темноты. Двор также погружен в густую черноту, кто-то забыл включить фонари. Выхожу из машины, стараясь не спотыкаться в темноте.

Хан провожает меня до дома, тенью идет за моей спиной.

Я глупая думала, что мы... хотя бы ночевать будем в одном доме. Что он пригласит меня в свой дом, но нет...

Хан стоит на крыльце, ждет пока я войду в дом его родителей.

Когда за мной закрывается дверь, он уходит.

...

Сегодня суббота. Выходной. И все же я не смогла себе позволить спать дольше девяти часов, хотя после вчерашнего тело сильно устало.

Я сижу на кухне с чашкой чая, чувствуя, как запах моря все еще цепляется за кожу, несмотря на вчерашний душ.

Хан вошел ровно в десять. На хмуром лице следы сна, под глазами лежат темные тени. Он явно не выспался. Сегодня на

нем домашние брюки, черная льняная рубашка поверх белой футболки.

Я подсказываю со стула, намереваясь налить ему чай, но он уже подходит к кофемашине и сам варит себе кофе. Благо свекровь у меня не старомодная. Не отчитывает за подобные действия.

– Почему не видно Дианы? – вздрагиваю от утреннего хриплого голос Хана. Он стоит к нам спиной, пока мы со свекровью допиваем свой чай.

– Она у репетитора, – отвечает Фатима.

– Вы уже решили куда она поступит?

Я едва не давлюсь своим чаем, когда слышу это.

Значит, сестре учиться можно, а жене нет? Что за двойные стандарты? И почему это они решают на кого ей учиться?

Вот откуда эта жажда все контролировать. Их воспитали так. Слишком строго. Слишком жестко.

Когда Хан садится за стол, напротив меня, мне хочется поднять тему учебы перед свекровью. Может она заступится за меня, поможет? Но едва успеваю рот открыть, как на кухню заходит свекор.

Я встаю, почтительно приветствуя.

– Ну что, решился вопрос с тем бригадиром? – спрашивает он с порога.

Хан не поднимает глаз от своей чашки.

– Решился.

– Как?

– Он больше не работает на нас.

Чувствую, как воздух в комнате сгустился.

Отец Хана усмехается, но как-то недобро.

– Тебе следовало посоветоваться со мной. Где мы теперь найдем нового?

– Не волнуйся об этом. Я все улажу. Отель будет открыт вовремя.

Благо свекор коротко кивает и попросив принести ему чай в сад, покидает кухню.

– Я отнесу, – поднимается свекровь. – Все равно выходить.

Стараюсь смотреть куда угодно лишь бы не на сидящего напротив мужа. Фатима водружает на подносе большую кружку чая и сладости. Затем обращается уже ко мне:

– Айла, пройдишь, пожалуйста, по комнатам, приберись где нужно.

– Хорошо, – тихо киваю я, внутренне сотрясаясь от этой просьбы. Дом большой. Уборка затянется до вечера.

Тишина.

Только тиканье часов и глухой стук ложки Хана о дно кофейной чашки.

Я хотела сказать что-то.

О Диане.

О том, почему ей можно учиться, а жене – нет.

О том, что я задыхаюсь в этих стенах.

Но слова застряли в горле, как всегда.

...

Уже вечером перебив все, что можно, я устало плетусь по коридору, чтобы отдохнуть. Свекровь сжалилась надо мной и ужин взяла на себя. У меня же совсем нет аппетита. Хочется просто лечь в кровать, чтобы поясница не ныла.

Но на пути мне встречается Хан.

Сначала я подумала, что он зашел по своему делу, но мужчина начал загромождать мне путь.

– Что такое? – недовольно вырывается у меня.

– Если ты закончила, приберись у меня в кабинете.

Он даже не оставляет мне возможность сказать что-либо. Разворачивается и уходит.

А что мне еще остается делать? Сомневаюсь, что осмеюсь отказать в «просьбе».

Ладно, Айла. Еще одна комната и долгожданный отдых.

Уже в доме Хана я набираю маленькое ведерко водой, беру удобную тряпку и следую за ним.

Здесь комнат поменьше: две спальни, гостиная с небольшой кухонной зоной и сан.узел.

Хан подсказывает мне что и где убрать, а сам садится за ноутбук и уходит в работу.

Комната такая же строгая, как и он сам – темные деревянные панели, массивный стол, книги в идеальном порядке. Ничего лишнего.

Я начинаю с больших поверхностей. Тут много полок, закрытых шкафов со стеклами. В общем, работы немало.

На протяжении всей уборки меня не покидает ощущение, что Хан смотрит мне в спину. Я переставила книги, поправила бумаги, вытерла пыль везде.

А он сидит и смотрит.

Не в ноутбук.

На меня.

И когда я поворачиваюсь к двери, он добавляет:

– Останься.

Я замираю на месте и отвечаю через плечо.

– Я уже все прибрала.

– Я сказал – останься.

Его голос тихий, но неоспоримый.

– Мне кажется, ты что-то хотела сказать утром.

Он не спрашивает. Он констатирует. Мои пальцы сжимаются.

– Нет.

– Врешь.

Я поворачиваю голову, и его глаза встречаются с моими.

Темные. Усталые. Раздраженные.

– Говори.

Шумно выдыхаю.

– Почему Диана может учиться, а я – нет?

Тишина.

Густая. Горячая. Опасная.

Хан медленно отодвигает стул.

– Ты сравниваешь себя с моей сестрой?

– Я сравниваю ваши правила.

Его пальцы постукивают по столу – медленно, ритмично, как счетчик перед взрывом.

– Диана – сестра. Ты – жена.

– Значит, мне нельзя развиваться?

Он резко встает, стул закрипел под его весом.

– Ты вообще понимаешь, что значит быть невестой в этом доме?

Его голос не повысился. Но каждое слово бьет, как плеть.

– Ты думаешь, я не вижу, как ты смотришь на книги? Как ты прячешь заметки от меня?

С моего лица сразу же отливает кровь. Он знал. Как давно?

Но почему тогда молчал?

Тишина после его слов давит тяжелее, чем крик. Я стою, чувствуя, как пол уходит из-под ног.

– Ты... следил за мной?

Он медленно обходит стол, его тень накрывает меня, как черное облако. Его голос низкий, почти спокойный, но в нем чувствуется сталь.

– Думала, я не замечу?

– Ты заметил. И ничего не сделал.

– Я ждал.

– Чего?

– Чтобы ты попросила.

Эти слова ударили неожиданно.

Я раскрываю рот, но не нахожусь с ответом.

Хан смотрит на меня слишком пристально. Слишком внимательно. Его плечи напряглись под тонкой тканью рубашки.

– Ты думаешь, я не понимаю?

Я прикусываю нижнюю губу от волнения.

– Ты думаешь, мне нравится видеть, как ты смотришь на книги, как будто они – последний глоток воздуха?

Его голос чуть заметно дрогнул.

– Думаешь, мне легко?

Я не ожидала этого.

Я ждала гнева. Приказа. Но не... этого.

– Тогда разреши мне! – взрываюсь я с приглушенными рыданиями.

Глава 13

Я не хотела проявлять слабость перед ним. Только не перед ним. Но слезы, накопившиеся за эти недели, вырвались наружу горячим потоком скользя по щекам.

Всхлипываю, закрываю лицо руками, пытаюсь прийти в себя, но не получается.

Он не справедлив со мной. Вымещает скорбь по умершему брату и злость на меня. Ненавидит меня.

Хан замер, его пальцы, только что постукивавшие по столу, сжались в кулаки. Поднимаю заплаканное лицо, чувствуя, как слезы соленым привкусом застревают в уголках

губ.

Он делает шаг ко мне. Еще один. Его тень накрывает меня целиком, но я не отступаю.

– Ты ненавидишь меня.

Замечаю, как его дыхание сбивается.

– Потому что я не *он*. Потому что ты не можешь простить – ни ему, ни себе, ни *мне* – что он умер, а ты остался.

Глаза Хана расширяются. На секунду я вижу в них боль, настоящую, дикую, неприкрытую.

– Ты... – его голос дрожит, – ты не смеешь.

– Я смею! – кричу я, чувствуя, как внутри все горит. – Потому что это правда! Ты запираешь меня, контролируешь, душишь – не потому, что я твоя жена, а потому что ты не смог удержать его!

Последняя фраза раскалывает комнату, как гром.

Хан бледнеет. Его рука поднимается, я зажмуриваюсь, ожидая удара... Но он хватает лампу со стола и швыряет ее в стену.

Она разлетается на осколки, оставляя грязные следы на белой стене.

– Пошла вон.

Я не двигаюсь.

– ВОН! – его рев сотрясает стены.

Выбегаю из комнаты на улицу, где попадаю под осенний дождь. Тонкое домашнее платье мгновенно промокает, волосы прилипают к лицу. Однако я не чувствую холода.

Только пустоту.

Дождь хлещет по спине, но внезапно грудь обжигает решимость. Пальцы впиваются в мокрый металл перил.

Нет. Я не уйду. Я добьюсь своего чего бы это мне не стоило.

Возвращаюсь в дом. Из-за двери кабинета доносится грохот. Осторожно открываю дверь, и вижу, что в стену полетел еще и стул.

– Хан, пожалуйста...

Смотрю в его черные глаза, наполненные яростью, и нервно сглатываю.

– Ты смеешь приходить после того, что сказала?

Капли дождя стекают по моим щекам, смешиваясь со слезами.

– Разреши мне учиться. Я буду..., – голос предательски срывается, – я буду приходить ровно в пять. Буду все успевать по дому. Учеба не мешает замужеству, обещаю!

Взгляд Хана скользит по моему мокрому платью и дрожащим от волнения рукам.

– Ты унижаешься.

– Нет, – делаю шаг вперед. – Я борюсь.

Его рука вдруг выбросилась вперед. Я рефлексивно жмурюсь, но чувствую только... тепло. Его пальцы коснулись моей щеки.

– Почему? – шепчет он. – Почему тебе так важно это?

– Потому что если ты отнимешь у меня *это*... – мой голос

становится тише, но тверже, – то, что останется мне?

Хан медленно проводит пальцем по моей мокрой щеке, словно стирая дождь и слезы. Его глаза все еще горят, но теперь в них читается что-то другое – расчет.

– Хорошо.

Один короткий, ледяной слог и мое сердце екнуло.

– Но условия будут железными. Нарушишь хоть один пункт... – его голос стал опасным, – и наказание будет неотвратимым.

– Но...

– Я разрешаю контроль, – перебивает он, сжимая мой подбородок. – Не свободу.

– Каковы условия?

Хан начинает перечислять таким тоном, будто отдает приказы у себя в офисе.

Учеба по графику. Никаких задержек после пар. Держать дистанцию с парнями. Отчеты каждую неделю.

– И последнее, – его пальцы сильнее смыкаются на моем лице. – Станешь моей женой. По-настоящему.

Я почувствовала, как воздух становится тяжелым.

– Ты... шутишь?

– Я никогда не шучу, – Хан наклоняется вперед, и его дыхание обожгло щеку. – Ты просила разрешения. Я даю его. Но теперь ты принадлежишь мне – не на бумаге, не на словах, а в плоти.

И будто в подтверждение его рука скользнула по моему

бедру, сжимая так сильно, что я едва не вскрикнула.

– Каждое утро. Каждую ночь. Ты будешь спать в моей постели, и я буду брать тебя так, как муж берет жену. Без стыда. Без отговорок.

Я задрожала, но не от страха, а от шока.

– Ты сводишь это к животному...

– Нет. Я свожу это к правде. Хочешь знаний? Хочешь свободы? Хочешь университет? Тогда отдай мне то, что можешь дать только ты. *Себя.*

Дождь за окном усилился, превратившись в сплошную свинцовую стену. Я стою, чувствуя, как капли с моего платья образуют лужу на паркете его кабинета словно граница между нашими мирами.

Рот пересох. Спать в его постели каждую ночь... Исполнять супружеские обязанности. *Ежедневно.*

Это слово пульсирует в висках.

– Я..., – выдыхаю едва слышно. – Я не готова.

– Готовность не требуется, – пальцы скользнули по моим ключицам, заставив вздрогнуть. – Только послушание.

Я резко отпрянула, но спиной уперлась в стену. Голова кругом от того, что Хан говорит и что со мной творится, когда он прикасается ко мне.

Зачем я ему? Неужели похоть так сильна, что ему безразлично мое желание?

– Не делай этого. Не сегодня.

Хан рассмеялся низко, но без веселья. Ладонь ложится на

мою талию, впиваясь в ткань платья.

– Разве ты не хотела доказать, что учеба не помешает твоим обязанностям?

Сердце колотится так, будто пытается вырваться. Руки дрожат, когда я попыталась оттолкнуть его.

– Я передумала. Возьми что-то другое в залог.

– Неинтересно, – перебивает Хан, прижимаясь так, что все точки тела внезапно оживают. – Я выбрал самый честный вариант. Ты будешь приходить в мою постель каждый вечер. И уходить утром, помня, кому принадлежишь.

Внутри все сжимается. Страх? Нет. Что-то опаснее. Что-то, что заставило ноги подкоситься.

– Только так, Айла, – победный шепот сверху.

Глава 14

– Сорок дней. Не меньше.

Говорит он, будто заключает очередную бизнес-сделку. У меня во рту пересохло от шока, от дикого страха, от неправильности происходящего. Он не может принуждать меня к близости подобным способом. Это слишком низко и жестоко для него!

– Сорок дней ты носишь черное. Сорок дней я терплю твои слезы по Аслану. А в сорок первый..., – мужская рука снова сжимает мой подбородок, не позволяя мне отвести взгляд. – ...Ты снимешь траур. И черное платье. И все, что

под ним.

Я резко вырываюсь из его захвата, не выдержав.

– А если я откажусь?

Хан распахивает дверь, намекая, что разговор окончен.

– Тогда будешь носить траур вечно. По нему. По учебе. По себе самой.

Сжимаю челюсть от злости, дышу часто и прохожу мимо него в коридор, но в спину летит его голос, который заставляет меня покрыться мурашками:

– Если откажешься, – Хан держит паузу, словно специально оказывая давление. Я же застываю к нему спиной и радуюсь, что он не видит моего лица, когда он произносит. – Мне придется взять еще одну жену.

Слова Хана повисли в воздухе, словно отравленные иглы.

Я вылетела из его дома, едва ощущая землю под ногами. Осенний ветер вперемешку с дождем хлещет по лицу, но я не чувствую холода – только жгучую волну предательства, унижения, страха.

Мои ноги несут меня куда-то вглубь сада, где высокие кипарисы скрывают от посторонних глаз. Здесь, в тени, я наконец останавливаюсь, схватившись за ствол дерева, чтобы не упасть.

Вторая жена.

Это звучит как приговор.

Не потому, что я ревную.

А потому что это означает позор.

Мне не послышалось.

Он сказал, что женится еще раз, если я... Если я откажу ему в постели.

Мои пальцы впиваются в кору дерева. Это будет означать, что я не справилась как женщина. Что я недостаточна.

Хан меня запугивает или правда сможет так поступить? И что тогда будет? Моя репутация окончательно окажется в грязи. Все и так шепчутся, что меня отдали от одного брата к другому... Это пятно останется на мне до конца жизни, но если Хан возьмет еще одну жену...

Это станет катастрофой.

Моя жизнь будет испорчена.

Я закрываю глаза, пытаюсь успокоить бешеный ритм сердца.

Что делать? Отказаться и стать изгоем, женой-тенью, пока новая хозяйка дома займет мое место? Согласиться и отдать себя мужчине, который видит во мне лишь обязанность?

Оба варианта унижительны.

Но один из них оставляет мне университет.

Свободу.

Шанс.

Я открываю глаза.

Дождь усилился, превращая хлопковое платье в холодную вторую кожу. Я слышала шаги, тяжелые, уверенные.

Хан стоит рядом с зонтом в руке, на лице привычная маска невозмутимости. И лишь глаза выдают истинные эмоции.

– Ты промокла, – его голос мягкий, почти нежный. Именно это и пугает больше всего.

Я не отвечаю.

Он вздыхает, снимает с себя спортивный бомбер и накидывает мне на плечи. Тепло, пропитанное его запахом – сандал и что-то горькое обволакивает, словно невидимые оковы.

– Я даю тебе время, – вдруг говорит он, пристально глядя на мои побелевшие пальцы, вцепившиеся в кору. – Чтобы ты *сама* пришла ко мне с ответом. Иначе я приду за тобой. И тогда... – теплая рука скользнула по моей щеке, собирая капли дождя. – ...Ты даже в университет не успеешь собраться.

Я подхожу ближе, сжав кулаки.

– Ты действительно возьмешь вторую жену, если я откажусь?

Его темные глаза пылают в свете заката.

– Возьму, Айла. И будь добра, зайди в дом. Заболеешь.

Я закрываю глаза на секунду. Потом открываю и с шумом выдыхаю. Его забота выглядит как издевка на фоне того, что он мне предлагает.

– Тогда я согласна.

Его губы дрогнули. Нет не улыбка, и даже не злорадство. Что-то другое.

– Сорок дней, – напоминает он.

– Я знаю.

Он разворачивается и уходит из сада, оставив зонт в моей руке. Я остаюсь под кипарисом, сжимая черную ручку зонта

так, что костяшки побелели.

Глава 15

Тридцать третий день траура.

Пятница.

Грузовики с провизией для детей уже ждут во дворе. Я наблюдаю из окна, как Хан методично проверяет каждый пакет в кузовах грузовиков. Его движения резкие, точные. После инцидента в Избербаше доверия нет даже к собственным водителям.

Мы снова едем в детский сад. Свекровь сказала, что помогать детям – благое дело и это была ее идея отправить меня вместе с Ханом.

Дорога в горное село петляет серпантином. Я прижимаюсь лбом к холодному стеклу, следя, как первые лучи солнца пробиваются сквозь туман, золотя зубчатые вершины.

– Почему именно этот садик? – вопрос вырвался сам собой, нарушая тридцатиминутное молчание.

Хан на секунду оторвал взгляд от дороги.

– Каждую неделю – разные сады. Раньше, – он делает паузу, перестраиваясь перед крутым поворотом, – Этим занимался Аслан. Он очень любил детей.

Одно упоминание имени бывшего жениха заставляет сердце больно сжаться.

Украдкой смотрю на Хана, который всегда сосредоточен

за рулем. Глаза с легким прищуром, будто высматривающий хищник в темноте, лоб нахмурен – две глубокие складки между бровями. Его пальцы сжимают руль так, будто это не кожаная обивка, а горло врага.

Ловлю себя на мысли, что разглядываю его смуглую кожу, спрятанную под красивым темно-зеленым пятнистым костюмом из благородного бархата. Как же ему идет этот оттенок... Будто лес в лунную ночь – опасный, но манящий.

Стоячий воротник задевает мощную шею, подчеркивая жилистую структуру. Верхняя пуговица рубашки расстегнута, высвечивая его кожу теплого, глубокого оттенка. Борода после салона аккуратная, оттеняет сильные челюсти.

Серебряный перстень на мизинце, который слегка касается обивки руля, кажется таким... пикантным.

Я заметила, как мышцы его шеи напряглись, как выступили сухожилия, когда он резко тормозил перед внезапно выбежавшим на дорогу котенком.

Даже сидя, он кажется массивным. Монументальным. Как горный хребет.

– Ты что-то хотела сказать?

Его голос грубый, но в нем проскальзывает усталость. Я вздрагиваю, пойманная на месте преступления.

– Нет...

Хан поворачивает голову – всего на градус, но этого достаточно, чтобы солнечный луч скользнул по его профилю и карие глаза приобретают золотистый оттенок.

– Тогда не смотри.

– Почему? – я даже не отрицаю, просто сжимаю руки в кулаки.

– Потому что я чувствую твой взгляд.

Он делает паузу, и я замечаю, как его ноздри слегка раздуваются.

– Смотри куда-нибудь еще или я начну думать, что тебе нравится то, что ты видишь.

Распахиваю глаза шире. У меня мигом горит лицо от его прямолинейности. Умеет же он ставить людей в неудобное положение.

Машина резко ускоряется.

Я вжимаюсь в сиденье, наблюдая, как его предплечье напрягается под тканью, когда он переключает передачу.

В салоне витает запах его кожи – дорогое оливковое мыло, которое я видела в его ванной, древесный одеколон и что-то неуловимо *дикое*.

Садик встретил нас цветными стенами и восторженной толпой малышей. Воспитательница – женщина с усталым лицом и добрыми глазами, судорожно поправляла платок, когда Хан лично начал разгружать коробки.

– Спасибо вам, – прошептала она мне, пока мужчины носили пакеты внутрь. – Дети ждут вашего приезда, как праздника.

Раздача превратилась в сплошное веселье. Хан, к моему удивлению, терпеливо выслушивает каждого ребенка, ино-

гда даже приседает на корточки, чтобы быть с ними на одном уровне.

Я разглядывала детские поделки, когда услышала маленькую девочку с милыми каштановыми косичками:

– Вот, – она сунула ему в руку смятый рисунок, – это вам. Вы похожи на грустного великана. Я нарисовала дождь, потому что он скрывает его слезы.

Я прячу улыбку, но успеваю заметить, что на бумаге изображен большой человек, стоящий под дождем у огромного черного камня.

Пальцы Хана сжимают бумагу.

– Спасибо, солнышко, – он неожиданно опустился на колени перед ребенком, – но великаны... не плачут.

– Ты тот дядя, который привозит кашу?

Впервые за тридцать три дня я увидела, как уголок его рта дрогнул.

– Да.

– А где другой дядя? Тот, который смешил?

Воздух становится густым.

– Он ушел в очень долгую командировку.

– А конфеты будете привозить?

– Каждую пятницу.

И в доказательство своих слов, мужчина показывает девочке огромный ящик с детскими сладостями.

Девочка все то время, что мы пробыли в саду, не отпустила рукав Хана. Ее пальчики, липкие от мармелада, что мы

раздали, оставляли крошечные следы на дорогом бархате. И даже это Хан оставил без внимания.

Я подумала, что возможно, еще не знаю своего мужа. Но сегодня Хан раскрылся мне с другой стороны. Да, он черствый, с жестким характером, но под его броней тоже бьется простое человеческое сердце из мягких тканей.

Дорога домой ухабистая и долгая. Грузовик с пустыми коробками из-под продуктов едет следом, а я снова уткнулась в холодное стекло, пытаясь осмыслить сегодняшние события.

Виб-виб.

Звук телефона в кармане куртки заставил меня вздрогнуть. Я медленно достала его, щурясь от яркого света экрана.

Неизвестный номер:

«Как дела?»

Просто. Обыденно. Как будто ничего не произошло.

Я нахмурилась, пальцы замерли над клавиатурой.

Следом приходит еще одно сообщение:

«Это Асхаб. Ты сохранила мой номер?»

Сердце странно дрогнуло. Молодежь Исаевых добавила меня в свою общую группу, где нет взрослых. За исключением Хана. Я сохранила в основном девчонок, а парней как-то... не стала.

И в момент, когда я хотела ответить, телефон выскальзывает из моих пальцев как живой будто сама судьба решила выдать меня.

Я ахнула, видя, как гаджет летит к ногам Хана. Но прежде,

чем я успела даже пошевелиться...

Щелчок.

Его ладонь мелькнула в воздухе, словно коготь хищника. Телефон замер в его пальцах, экраном к потолку как раз вовремя, чтобы я увидела открытый чат с Асхабом.

Хан не смотрит на дорогу.

Он смотрит *на меня*.

– Неуклюжая, – произносит он низко. Но в его голосе нет насмешки – только странная, почти ласковая терпкость.

Машина мчится по горной дороге, но его рука на руле не дрогнула ни на миллиметр.

Он медленно переворачивает телефон, и я увидела, как его большой палец случайно скользнул по экрану.

Хан не прочитал сообщения.

Он просто протянул телефон обратно, пальцы слегка задержались на моих и вернулись на руль как раз к опасному повороту.

Толкаю тяжелую дубовую дверь дома Исаевых. В прихожей пахнет вымытым полом и свежими цветами. Свекровь любит собирать композиции из нашего сада. Она уже неделю как вышла на работу в местной больнице.

Мои пальцы потянулись к молнии на куртке, когда из гостиной раздался знакомый голос:

– Айла! Наконец-то!

Асхаб стоит в дверном проеме, опираясь плечом о косяк.

– Приготовь мне кофе, как в старые времена, – просит он с

той самой мальчишеской улыбкой, от которой когда-то таяли все девчонки в школе.

Сзади хлопает дверь, и я чувствую, как Хан замер рядом со мной. Воздух вдруг ощущается густым, тяжелым.

– Ты... что здесь делаешь? – спрашивает он кузена низким, опасным голосом.

Асхаб небрежно машет рукой:

– Тетя попросила передать справки нашей соседке. Айла, кофе? Помнишь, с двумя ложками сахара?

Чувствую, как по спине пробежали мурашки. Я стою между двумя мужчинами, словно натянутая струна.

– Почему Диану не попросил? – резко обрывает Хан.

Асхаб рассмеялся – звонко, беззаботно, как будто не замечая напряжения.

– Она же никогда не бывает дома. То в школе, то у репетитора.

Я вижу, как вены на шее Хана набухли. Быстро шагнула между ними:

– Я приготовлю кофе. Для всех.

Мои пальцы дрожали, когда я набирала воду в кофемашину. Из гостиной доносятся приглушенные голоса – Хан что-то спрашивает про отца кузена, Асхаб отвечает с прежней легкостью.

Когда я вернулась с подносом, картина передо мной заставила сердце бешено колотиться.

Хан сидит в кресле, его поза расслаблена, но каждый му-

скул выглядит напряженным, как у пантеры перед прыжком. Асхаб развалился на диване, одна рука небрежно перекинута через спинку, как будто он здесь хозяин.

Асхаб потянулся за чашкой, его пальцы на мгновение коснулись моих.

Я оставила мужчин, поднявшись в спальню, но увидела, как они вместе покидают двор. Возможно, направились на пятничную молитву в мечеть.

Вечером я сижу на подоконнике своей комнаты, прижав колени к груди, и смотрю, как дождь стекает по стеклу, словно небо тоже плачет. Всего семь дней оставалось до... *той самой* ночи. Семи дней было достаточно, чтобы передумать тысячу раз.

Внезапно дверь распахнулась без стука.

Я не успела даже вытереть слезы.

Хан замер на пороге, его широкие плечи заполнили весь проем. На нем черный домашний костюм с расстегнутым воротом, а в руках – стакан с чем-то дымящимся.

Глава 16

Я резко провожу рукой по щекам, но пальцы встречают уже холодные влажные дорожки. Слишком поздно. Хан все увидел.

– Опять рыдаешь, – его голос, низкий и ровный, режет тишину комнаты. Это не вопрос, а приговор. Я резко отвора-

чиваюсь к окну, где ливень яростно бьет по стеклу, превращая двор в размытое полотно из света и теней.

На мгновение я замечаю наше отражение в стекле – его высокую фигуру за моей спиной, мое сжавшееся плечами тело в тонкой пижаме.

Дверь скрипит, шаги приближаются. Передо мной появляется объемная кружка. Пар поднимается плотными клубами, и резкий аромат кардамона с имбирем заполняет пространство между нами.

– Пей.

Простой приказ. И ни слова зачем, почему.

Мои пальцы дрожат, когда я принимаю кружку. Сегодня они словно живут своей жизнью, предательские, неуправляемые. Я чувствую, как горячее стекло жжет кожу, но не делаю ни глотка. Просто сжимаю его, как якорь в этом странном вечере.

Хан вздыхает – звук едва уловимый, но я научилась различать эти оттенки. Затем неожиданность – он садится на подоконник рядом со мной, и старый пластик протестует, трескаясь под его весом. Теперь он так близко, что тепло от его тела смешивается с теплом напитка в моих руках. Его колено случайно касается моего. Точка контакта, горячая даже через ткань.

– Тебе понравилась поездка? – его вопрос повисает в воздухе, небрежный, будто он спрашивает о погоде. Глаза устремлены в темноту за окном.

Я мурлыкаю что-то вроде «угу» и наконец делаю первый глоток. Обжигающе горячий, слишком крепкий, с горьковатым послевкусием, совсем как его характер. Но странным образом успокаивающий.

– Тогда можешь ездить со мной по пятницам. Детям ты понравилась.

Чай вдруг становится комом в горле. Его колено теперь точно прижато к моему, и это осознание заставляет сердце биться чаще. Только сейчас я понимаю, в чем сижу перед ним – черная шелковая пижама, едва прикрывающая бедра, распушенные волосы, пахнущие любимым шампунем...

Вот зачем я послушалась маму и накупила всякого разврата? Нет бы взять что-то комфортное, хлопковое, а не эти кружева да шелка...

– Айла.

Он поворачивает голову, и в полумраке его глаза такие бездонные, почти черные. Я замираю с кружкой у губ, вдруг осознавая, как обнажена перед этим взглядом не только телом, но и всеми этими глупыми слезами.

– Да? – мой голос звучит хрипло, неузнаваемо.

– Ты боишься меня?

Вопрос повисает между нами, тяжелый и неожиданный, как этот дождь за окном.

Вдруг его рука опускается на мое колено. Теплое, тяжелое, неумолимое. Пальцы медленно скользят вверх по внутренней стороне моего бедра, едва касаясь шелковой ткани

пижамы. Легкие, как перо, но от их прикосновения все мое тело вздрагивает, будто по нему пропустили слабый разряд тока.

З-зачем он так делает?

Мои пальцы сжимают край подоконника так сильно, что кости белеют под кожей.

– Я... не должна бояться тебя? – голос звучит хрипло, выдавая внутреннюю дрожь, которую я тщетно пытаюсь скрыть.

Хан медленно ставит мою чашку на подоконник, не отрывая от меня взгляда. Его пальцы продолжают свое движение, выписывая медленные, гипнотические круги по моему бедру. Каждое касание чуть ближе, чуть увереннее, чуть опаснее. Ткань пижамы кажется слишком тонким барьером между его кожей и моей.

– Должна, – его голос низкий, обволакивающий. Он наклоняется ближе, и вдруг его дыхание обжигает мои губы. Горячее, пряное от имбирного чая. – Но не сейчас.

Мое сердце замирает. Спина впивается в холодное окно, а его тело, наоборот, излучает жар, от которого кружится голова. Я зажата между ними, будто в ловушке, где каждое движение только усиливает натяжение.

Пальцы Хана замирают всего на секунду, но достаточно, чтобы я почувствовала, как кровь пульсирует в висках.

И вдруг он резко отстраняется, встает с подоконника, разрывая этот плен. Воздух снова врывается в легкие, но стран-

ным образом... его отсутствие ощущается так же сильно, как и его близость.

Я остаюсь сидеть, сжимая дрожащие пальцы, а он стоит в полуметре, его грудь тяжело поднимается, будто он только что пробежал марафон.

– У меня деловая поездка в Дубай.

Его пальцы только что жгли мою кожу, а теперь он говорит о *Дубае* так буднично, будто ничего не произошло.

– На... сколько? – с трудом выдавливаю я, поправляя скользящий шелк пижамы.

Хан поправляет рукав рубашки, его лицо снова непроницаемо.

– Семь дней.

Семь дней.

Повторяю про себя и кажется, Хан тоже уловил мои мысли.

– Ты думаешь, я приду как зверь?

Его голос режет тишину, и я вздрагиваю, потому что он вытащил наружу ту мысль, что пряталась в самом темном уголке моего сознания.

Хан проводит ладонью по лицу, и вдруг – ошеломляющее откровение – я вижу его усталость. Настоящую, человеческую усталость. Тени под глазами, морщина между бровей, чуть опущенные плечи. Он кажется... обычным.

– Я не умею быть мягким, Айла.

Это прозвучало как признание. В этих словах вся его

правда. Он не оправдывается. Не обещает измениться. Просто... констатирует факт.

Поднимаю на него глаза.

– Я знаю.

– Но я и не монстр.

Его признание о неспособности быть мягким словно удар под дых. Хан не обещает сказки, он честен, насколько это вообще возможно в нашей запутанной ситуации. И эта честность, несмотря на всю ее жестокость, вызывает странное чувство доверия.

На мгновение он кажется не тем строгим надзирателем, а просто... человеком.

Сложным. Грубым. Но человеком.

– Нет...

– Нет, – он повторяет мое слово, но его голос звучит как приговор. Хан посмотрел на чай, потом снова на меня. – Сорок дней не для того, чтобы мучить тебя.

– А для чего тогда? – мой голос дрогнул.

– Чтобы ты успела попрощаться с прежней жизнью. И привыкнуть к новой.

В его словах горькая правда, с привкусом неизбежности. Прежняя жизнь, сотканная из мечтаний и надежд, сейчас кажется хрупким картонным домиком, готовым рассыпаться от одного неверного движения. Сорок дней... неужели этого достаточно, чтобы принять другую реальность, где Хан – и палач, и спаситель одновременно?

Внутри меня бушует целый океан противоречий. Страх сковывает, не давая сделать вдох, но где-то глубоко, словно росток сквозь асфальт, пробивается любопытство. Что ждет меня в этой «новой жизни»? Боль? Подчинение? Или... что-то совершенно иное, о чем я даже не смею мечтать?

– Когда я вернусь, у нас будет время. *Много*. И ты будешь помнить каждый момент.

Его пальцы внезапно касаются моего подбородка. Слова звучат как обещание, как клятва, как приговор. В них слышится и нежность, и властность, и какая-то обреченность. Мое сердце бешено колотится, готово вырваться из груди. Я вижу в глазах Хана отражение собственной растерянности, страха.

Он отпускает меня также резко и уже в дверях оборачивается.

– Скажи мне, Айла, – я смотрю ему прямо в глаза. – Когда я приду, ты будешь готова?

– Да.

И я не солгала.

Дверь захлопывается за ним.

Я остаюсь одна, с дрожью в коленях и странным чувством – будто он забрал с собой часть меня.

Глава 17

Я думала, у меня много времени, чтобы успокоить бюю-

щеся в тревоге сердце. Но неделя пролетела как один день.

Сороковой день. Последние лучи заката окрасили небо в кровавые тона, когда в мою комнату без стука вошел Хан.

Я стою у окна в простом белом платье – не невесты, не вдовы, а кого-то промежуточного. Он остановился в дверях, заполняя собой все пространство. Загорелый, с чуть растрепанными дубайским ветром волосами, в льняном костюме цвета хаки, помятом из-за перелета.

– Твой траур закончился сегодня. С рассветом начинается твоя новая жизнь. Готовься, – говорит он просто, как констатирует факт.

Я чувствую, как дрожат мои колени. В комнате стало душно. Я зажмурилась, вдохнула поглубже, словно подчиняясь судьбе.

– Я приду, – шепчу, не оборачиваясь к нему.

Дверь захлопнулась, оставив после себя тот самый запах пороха и холодную истину – отныне мое тело, мои мысли, даже мой страх принадлежат этому каменному человеку.

Где-то в глубине души, под всеми слоями ужаса и отчаяния... я уже смирилась с этим.

Стою перед зеркалом в ванной комнате, пальцы дрожат, застегивая последнюю застёжку на белоснежном кружевном корсете с полупрозрачными чашками. Шелковые ленты оплетают мою талию, подчеркивая каждый изгиб, каждую линию, которую Хан сегодня будет исследовать.

Провожу ладонями по бедрам, ощущая гладкость дорогих

кружев. Настоящий наряд невесты. Тот, в котором я так и не предстала перед мужем.

В ванной еще витает пар от только что принятого душа. Аромат моих духов – нежные ноты пиона и капля масла на длину волос, чтобы блестели как черный шелк.

«Он почувствует этот аромат, когда будет целовать эти места», – мелькнула мысль, от которой тело мигом вспыхивает.

Я хочу быть красивой. Хан прекрасно одевается, всегда выглядит опрятным и от него всегда... пахнет головокружительно. Мне хочется просто соответствовать ему.

Но когда я выхожу в коридор, ноги вдруг предательски замедляются. Сердце колотится так сильно, что звенит в ушах.

Останавливаюсь перед его дверью, внезапно осознавая, что я боюсь не его грубости. Нет. Я боюсь той нежности, что изредка сквозит в его прикосновениях, в его взглядах.

Сквозь щель под дверью пробивается свет. Хан ждет.

Делаю глубокий вдох, чувствуя, как кружево слегка колет-ся на нежной коже под грудью. На мне то простое белое платье. Время одиннадцать ночи. Все в доме уже спят.

Два шага.

Дерево двери холодное под моей ладонью.

Глубокий вдох.

Я вхожу.

И сразу встречаюсь с его взглядом.

Хан что-то перекладывает на низкий стеклянный столик напротив зеркального шкафа. Я вижу очень много брендо-

вых пакетов и коробок со знакомыми логотипами.

Услышав стук двери, он разворачивается, и мои глаза цепляются за расстегнутые полы мужской рубашки. Его рельефный торс обнажен. Мой взгляд сам собой скользит вниз к узкой талии, но я заставляю себя отвести взгляд, чувствуя, как жар разливается по щекам.

Не смотреть так пристально.

– Подойди.

Теплый свет от люстры отражается в зеркале, когда Хан подводит меня к шкафу. Его большие руки ложатся на мои плечи, обжигая сквозь слой одежды и заставляя меня вздрогнуть.

Я смотрю на нас через зеркало. Я с покрасневшими щеками, стыдливым взглядом и он, стоящий за моей спиной, словно массивная гора. Выглядит очень... романтично.

– Закрой глаза, – хриплый приказ и я подчиняюсь.

Шорох бархатного футляра. Чувствую, как мужская рука скользит по моему горлу. Сердце забилося так громко, что, кажется, его слышно во всей комнате. Но вместо удушья я почувствовала прикосновение металла.

– Не смотри пока.

Тяжелые звенья ложатся на кожу. Пальцы Хана на моем затылке и щелчок.

Только тогда он позволяет мне открыть глаза.

В зеркале на мне сияет кольцо из розового золота с тремя крупными грушевидными изумрудами, окруженными брил-

лиантовыми россыпями. Камни переливаются, играя светом при каждом моем вздохе. Они неожиданно прохладные, но быстро нагреваются от тепла моего тела.

Едва касаюсь драгоценности, будто боюсь разрушить.

– Хан, это...

– Постой, – его руки скользнули вниз, доставая следующий футляр. – Это только начало.

Изящный браслет на руку с тончайшей гравировкой моего имени на арабском. Серьги, которые заставили меня вздрогнуть, когда холодные камни коснулись ушей.

Платок ручной работы из очень дорогого дубайского магазина. Я видела в интернете. Наши девушки очень хвастаются этим брендом. И откуда Хан обо всем знает?

Мысль, что он нарочно и судя по всему, со знанием, выбирал для меня подарки греет душу.

И напоследок – маленькая коробочка.

Хан открывает алый бархат и в его ладони лежит кольцо. Не обручальное, нет. Аккуратный изумруд в обрамлении бриллиантов, похожий на те, что украшали колье.

– Это не предложение, – он резко поднимает глаза, ловя мой взгляд в зеркале. Мне все еще сложно находиться рядом с ним, зная, что его рубашка полностью расстегнута. – Это обещание.

Его пальцы слегка дрогнули, когда он надевал кольцо. Впервые за все время я увидела, как Хан нервничает.

Он приблизился вплотную, на этот раз медленнее, словно

давая мне время отпрянуть. Но я стою на месте, чувствуя, как с каждым его шагом в животе закипает что-то теплое и опасное.

И когда моя спина касается его груди, я прикрываю глаза от нахлынувших чувств. Одной рукой он прижимает меня к себе за талию. Так, что я ощущаю все неровности мужского тела. Другой, Хан несильно обхватывает меня за подбородок.

– Мне очень нравится..., – еле выдыхаю я.

Его теплые губы касаются моей шеи в том месте, где пульс бьется как у загнанного зверя. И я понимаю, что все началось...

Наша первая брачная ночь началась.

– Просто попроси, Айла, – шепчет он в кожу, и в его голосе впервые звучит что-то похожее на нежность.

Удивленно раскрываю глаза, утопая в спектре ощущений, которые во мне вызывают его губы.

– Попроси меня. И я возложу к твоим ногам весь мир.

Он впивается пальцами в мои бедра, оставляя отметины. Я не сразу понимаю, что по моим щекам текут горячие слезы, но не могу пошевелиться, чтобы их стереть.

Хан замер. Его дыхание, до этого ровное и глубокое, стало прерывистым. Медленно, будто боясь спугнуть, он наклонился и поймал губами слезу на моем виске.

Его губы скользнули по щеке, подхватывая каждую слезинку, словно выпивая мою боль. Я почувствовала вкус соли на своих губах то ли от его поцелуев, то ли от собственных

слез.

И вдруг его пальцы пробиваются к молнии на спине платья. Он расстегивает ее, как будто развязывает подарок, который нельзя мять. Медленно. Чувственно.

– Я купил это, чтобы видеть, как оно выглядит на тебе. А теперь хочу видеть, как ты выглядишь в моей постели.

Закрываю глаза, чувствуя, как хлопок соскальзывает с разгоряченной кожи. Осталось только белье – кружевное, белоснежное, как мое несостоявшееся свадебное платье.

Хан резко разворачивает меня лицом к себе. Скользит темным жгучим от жажды взглядом по моему обнаженному телу. Пальцы касаются кружева на плече. Один рывок и лямка соскользнула.

Его тело раскаленное, напряженное вжимается в меня, и я чувствую его жесткость.

Губы опускаются к моим, чтобы прошептать одно хриплое:

– Моя.

И прижаться к моим в голодном разрушающем поцелуе.

Глава 18

Ег

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.